

фия наша находила свое непосредственное выражение в усилиях наших создать среди рабочего класса всех стран революционный индустриальный юнионизм с целью осуществления всемирного братства народов. Мы считаем, что только при установлении полного соответствия между формой организации трудящихся масс с существующим в наше время сподобом производства, можно добиться благоприятного результата всего человеческого опыта; только таким образом удастся создать общественный строй с наивысшей культурой; только при таких условиях все люди станут способными жить истинно человеческою жизнью и у всех разовьется то яркое сознание, в свете которого всем станет видно, что земля есть действительно обитель, приспособленная для прекрасной радостной жизни.

Мы считаем, что историческая миссия рабочего класса заключается в том, чтобы в корне уничтожить капитализм со всеми его ненавистными, вредными, подавляющими свободу человека учреждениями и установить вместо него новый общественный строй, при котором жизнь будет такой, какой она должна быть — **возможностью для всех и каждого развить в себе все те высокие и благородные**

качества, которые являются достоинством человеческого рода. Такова наша задача — замысел человеколюбивый и благородный. За осуществление этого замысла нельзя приниматься легкомысленно, с недостаточным пониманием этой трудной задачи. Нужно совершенно проникнуться этою высокою целью и быть исполненным твердой решимостью довести дело до конца. И цель эта будет осуществлена только сознательной деятельностью рабочих, сознавших свои кровные интересы, благодаря опыту приобретенному ими, как классом, в процессе долгой и трудной экономической борьбы у тех самых машин, на которых они работают, производя и распределяя все то, что необходимо для поддержания материального существования человечества.

Жизнь непрерывно идет вперед. Ход этот приносит с собой перемены во всех направлениях и, таким образом, приближается разрешение довольно трудной задачи, когда в процессе движения жизни наступит пора родиться новому общественному строю.

Справиться с этою задачею способны только те, которые организуются, готовятся к дружному сотрудничеству, к согласованным усилиям, направленным к производству для блага всех и каждого.

Может ли союз И. Р. М. дать рабочим все то, в чем они нуждаются?

Придирчивые критики сначала высказывали сомнения относительно необходимости существования союза Индустриальных Рабочих Мира.

Было бы пустой тратой времени и места подробно перечислять все софизмы, которые пускались в ход в качестве серьезных аргументов противниками нашей организации.

Нас высмеивали, как людей непрактичных, называли безнравственными, ненужными, бесчестными, лишенными нужных для дела способностей и познаний и всех вообще качеств, необходимых для того, чтобы оправдать наше существование.

Много бумаги и типографской краски было употреблено на то, чтобы распространять брань по нашему адресу и сообщать неверные сведения о нашей организации и ее наиболее деятельных членах.

Тысячи долларов были истрачены капиталистами с целью разбить наш союз, внести в него разлад, помешать росту его и распространению его учений среди ра-

бочих различных отраслей промышленности.

Частные сыскные агентства пользовались именем И. Р. М., как своего рода пугалом, чтобы запугать равнодушно относящихся к росту рабочего движения предпринимателей и заставить их записаться в число клиентов этих агентств.

Тысячи наших членов были заключены в тюрьмы на долгие сроки и многие из них были убиты с целью помешать успехам организационной работы и просвещению тружеников.

После 20-летнего существования организации необходимость ее выяснилась настолько, что относительно этого не может оставаться никакого сомнения в умах тех, кто внимательно изучал рабочий вопрос.

Форма организации И. Р. М. оказалась вполне соответствующею ходу промышленного развития. Принципы, лежащие в основе ее, и тактика ее, как доказано, достигает цели.

Все это подтверждалось даже в тех слу-

Я Н В А Р Ь 1925 Г О Д А.

чаях, когда мы терпели поражение. Во всех тех случаях, когда рабочим не удавалось одержать победу, поражение их зависело не оттого, что плохи способы борьбы, применяемые И. Р. М., а просто оттого, что не было достаточно денежных фондов или же не было достаточно численного состава, чтобы развить силу, необходимую для применения той тактики, при помощи которой рабочие могли бы оказаться победителями в принятой ими борьбе; в некоторых случаях, к тому же, рабочие, затеявшие стачку, не были достаточно развиты для того, чтобы применять надлежащим образом тактику, рекомендуемую им.

Выбитые из своих прежних позиций логикой событий, противники Индустриальных Рабочих Мира теперь, хотя и неохотно, все же вынуждены признать, что организация, построенная по плану, предложенному И. Р. М., необходима; но, говорят эти люди, уверяющие, что они друзья рабочих, такая организация не достаточна для всех целей; она, видите ли, не может удовлетворить всех нужд рабочего класса.

Эти люди утверждают теперь, что союз И. Р. М. пригоден лишь для того, чтобы отстаивать интересы рабочих, как лиц, трудящихся в определенной мастерской.

Хотя наши критики соглашались с тем, что это немаловажная заслуга нашего союза, они в то же время напоминают нам, что помимо этого перед человечеством стоят в настоящее время и другие задачи и, притом задачи, по мнению некоторых из этих критиков, более важные.

Социальные проблемы, как то: забота о лицах престарелых, больных и психически ненормальных, о калеках и преступниках; санитарное дело и гигиена; поощрение наук, искусств и литературы; развитие образования; устранение расовой и национальной вражды; разрешение споров между отдельными личностями, поощрение новых предприятий и изобретений — словом вся гамма различных видов деятельности человечества привлекается с целью доказательства, что союз И. Р. М., не удовлетворяет и не может удовлетворить всех запросов рабочего класса, возникающих в связи с переменой общественного строя.

И опять-таки наши критики — как дружелюбные, так и враждебно настроенные по отношению к нам, — оказываются не правыми.

Если бы возражения эти исходили только от защитников господствующих классов, то для опровержения их было бы

достаточно просто указать на их источник. Но когда подобные возражения делаются людьми, считающимися революционерами, радикалами, или по крайней мере, склонными к радикализму, то они вызывают смуту в умах и заставляют людей тратить понапрасну время, энергию и средства, которые можно было бы с большей пользой употребить для уничтожения системы наемного труда.

Отвечая нашим критикам, мы прежде всего утверждаем, что вопрос о положении занимаемом рабочими в той мастерской, где они работают, есть **самый важный** из всех вопросов и что, к тому же, ни одна другая проблема не может быть решена, пока не решен этот вопрос.

Когда заведывание промышленными предприятиями перейдет в руки рабочих, организованных, как класс, на началах предлагаемых И. Р. М., то рабочие сами будут в состоянии позаботиться о престарелых и больных членах своих семей; для этого не понадобится никаких особых общественных учреждений. Что же касается одиноких неработоспособных лиц, не могущих рассчитывать на помощь со стороны родственников, то о них позаботится соответствующая индустриальная организация, устроив учреждения, где можно будет жить таким лицам.

Забота о душевнобольных будет также возложена на индустриальные организации, которые возьмут в свое ведение существующие психиатрические лечебницы и превратят эти ужасные тюрьмы в такие учреждения, где будут заботиться об удобствах и благосостоянии помещаемых в них несчастных страдальцев. Притом же надо заметить, что большинство случаев умопомешательства происходит в настоящее время от неестественных условий существования, создаваемых системой наемного труда. Когда будет уничтожена эта система, то через несколько поколений случаи сумасшествия несомненно станут весьма редкими.

Так как большинство преступников, подобно сумасшедшим, также являются так сказать, побочным продуктом системы наемного труда, то, как только индустриальные союзы рабочих будут в состоянии всех и каждого обеспечить работою, большинство преступников вскоре перестанут быть таковыми. Для тех же окончательно развращенных бродяг, которые будут унаследованы новым строем от современного буржуазного общества, будут созданы особые учреждения. Индустриальные союзы возьмут в свое ведение тюрьмы и превратят их в своего рода санатории, где будут лечить и исправлять тех

людей, характер которых испортился вследствие тех дурных условий, в которые они были поставлены в борьбе за существование.

Большинство вопросов, касающихся санитарных условий и гигиены, разрешатся сами собой просто по мере того, как индустриальным союзам удастся стать на прочную ногу.

Когда рабочие организации будут обладать достаточными для того средствами, можно будет организовать лиц медицинской профессии таким образом, чтобы они могли поставить санитарное дело на самую широкую ногу; и это несомненно будет сделано, поскольку это окажется необходимым.

Только тогда, когда организованным рабочим удастся взять в свои руки заведывание промышленностью, окажется возможным довести развитие искусства и литературы до наивысшей степени. Тогда уже никому не будет надобности заглушать в себе талант или бояться выразить в книге или статье смелую мысль, считаясь со вкусами и мнениями господствующих классов. Гениальный художник или писатель будет в состоянии заработать в течение нескольких часов все необходимое для обеспечения его материального существования и после того у него будет оставаться, пожалуй больше досуга, чтобы развивать свой талант, чем сколько он имеет при современных условиях. Ученому также можно будет беспрепятственно удовлетворять свою склонность к научным занятиям, так как он не будет рисковать остаться без пропитания и ему не будет более надобности бороться с представителями лженауки, искажающими научные истины в угоду господствующим классам.

Когда индустриальные рабочие союзы займут прочные позиции в соответствующих отраслях промышленности, то им можно будет приняться за задачу организации и воспитания людей педагогической профессии в духе, соответствующем требованиям рабочего класса. А когда будет создана такая надлежащая организация педагогического персонала, то тем самым будет положено начало и разрешению педагогических проблем будущего общества.

Вражда между различными расами и нациями может быть устранена только тогда, когда рабочие проникнутся идеями классовой солидарности. Из всех рабочих организаций в Соед. Штатах одни лишь И. Р. М. в настоящее время делают в этом отношении все необходимое.

Большинство столкновений между от-

дельными личностями из-за личных интересов прекратится вместе с исчезновением системы наемного труда. Что же касается тех столкновений подобного рода, которые все же окажутся неустранимыми, то индустриальные организации рабочих сумеют найти соответствующий способ для разрешения таких недоразумений—и при этом такой способ, который будет достигать результатов лучших, чем современные наши суды.

Когда организованные рабочие возьмут в свои руки заведывание промышленностью, то изобретательность, свойственная человеческому уму, достигнет такого расцвета, какого человечество никогда не видало раньше.

Вся совокупность человеческих потребностей может быть подразделена на пять следующих главных отделов: пища, одежда, кров, образование и развлечения.

Никто не может отрицать того, что при существующих в наше время условиях, для рабочих возможность пользоваться этими необходимыми для них вещами зависит всецело от могущества и влиятельности организаций, существующих в тех отраслях промышленности, в которых они работают. Когда мы говорим о могуществе, то мы не имеем в виду одну только возможность для этих организаций определять продолжительность работы, высоту заработной платы и той обстановки, в которой производится работа, но также и способность организации обеспечить всех членов ея работою на условиях, дающих им возможность приобрести все необходимое им.

В настоящее время от получаемой рабочим заработной платы зависит то, какой квартирой он может пользоваться; в каком районе находится эта квартира; каково количество и качество пищи, достоящейся на долю рабочего и его семьи; какими развлечениями могут пользоваться он и его семья; от высоты заработной платы зависит и то, могут ли дети рабочего получить хорошее или плохое образование или же они не могут получить совсем никакого образования.

Если при теперешнем строе организация, к которой принадлежит рабочий, является тем именно фактором, который определяет степень жизненных удобств и развлечений, доступных рабочему, то не следует ли из этого, что когда рабочие будут заведывать промышленностью, их организации снабдят их средствами, необходимыми для того, чтобы разрешить те проблемы, которые будут возникать при новом строе? Вывод этот логически совершенно правилен и, более того, пра-

вильность его доказывается ежедневно. Задача, стоящая перед рабочими, это добиться возможности заведывать промышленностью. Единственный способ добиться этого таков: надо создать рабочую организацию, построенную по плану Индустриальных Рабочих Мира и на началах, предлагаемых ими.

Посвятим же все наше время и всю на-

шу энергию на создание такой организации, достаточно могущественной для того, чтобы защитить наши интересы, и мы можем быть уверены, что она окажется вместе с тем вполне достаточной и для того, чтобы достигнуть всех прочих наших целей.

С. Ж—н.

Унизительность труда

Помните ли вы мальчика, описанного Джаком Лондоном, мальчика-раба, чудованного в одной из фабрик, где выжимают рабочие соки? Я думаю того мальчика, который в конце концов покинул своего хозяина навсегда, ушел от нудного труда и приличного общества в зеленые леса. Он стал «отщепенцем».

Любить того мальчика было очень легко, так как он был двойником моей души — его плоть и мой дух — так как в моем сердце тоже все время бурлит великое отщепенство, моя плоть до сих пор еще ходит на индустриальную арену, чтобы снискать пропитание для моего тяжелого тела.

Так много нелепостей было наговорено о достоинстве труда и тому подобное даже радикалами, которые должны бы понимать иначе, что было бы преступлением оставаться молчаливым дольше. Необходим протестующий голос, чтобы выразить те настроения, которые мы питаем к работе.

Большинство людей имеют свои ненависти. Моя самая глубокая ненависть направлена против той работы, которую мы вынуждены как рабы выполнять под угрозой смерти. Страшно становится, когда подумаешь, что у нас даже нет другого выхода. Нет ничего более мучительного, чем работа.

Не будем лицемерами и только потому, что наши враги следят и слушают. Мы не хотим их одобрения. Мы можем быть вполне откровенны и заявить, что мы ненавидим работу в такой же

мере, как и они и по более веским причинам, так как это грязное занятие ближе нам знакомо.

Пусть простодушный обыватель не побуждает нас к получению плодов труда, как сглаживающего вину обстоятельства или же причину для оправдания, когда мы привели этого подлого заговорщика на суд наших предрассудков и обвиняем его в насильственных против нас дейст-

«Побуждение» к труду.

виях. Наука обещает сократить часы труда. Мы, революционеры, видим в большем числе рабочих, т. е. во всей расе, а ни в одном подчиненном классе, сокращение личного наказания.

Если наше стремление не уклонение от работы, так почему же нам не возвратиться к более тяжелым производственным процессам прошлого? Нет, мы имеем право быть ленивыми. Даже больше, чем это, сами наши кости заключают в себе мозг лени. Это право, однако, не долж-

но быть исключительной привилегией только богатых. Мы должны уничтожить буржуазную монополию на лень и распространить ее благотворное влияние на весь класс униженных и поруганных рабов.

Работа — унижительная необходимость. Но по мере того, как цивилизация будет вступать в свои права, это проклятие рода человеческого будет все меньше и меньше отнимать времени и жизни людей.

Р. Гр—н.

УМЕРЛА ЛИ ЕВРОПА?

Мои друзья из-за океана спрашивают меня: «мы все здесь думаем, что Европа или уже умерла или же до сих пор безнадежно больна».

Вся семья западно-европейских наций в глазах американцев кажется сильно потрепанной, чем-то попавшим и истертым между жерновами слишком неразумной жизни и слишком фатальной истории. И, راستран Европы, кажется американцам страной, в которой затмение самое темное и где упадок самый сильный. А так как очень многие американцы, мои друзья, просят меня выразить свое мнение по этому вопросу, мне кажется, что я должен удовлетворить их желание.

Не может быть сомнения в том, что народ Америки спешит с погребением Старого Света. Я не могу, однако, не сознаться, что мы, европейцы, живем в условиях очень и очень старого мира, и мне до болезненности ясен упадок жизнеспособности Европы. Я пойду даже дальше и скажу: возможно, что ни в один период своего существования во всей своей бурной истории Европа не была так истощена и разочарована как в настоящее время.

Странное явление: народы и нации со временем стареют, подобно отдельным людям. Начинает казаться, что их коллективная жизнеспособность и коллективная жизненная теплота должны охладеть в один печальный день. Ни одна еще цивилизация не могла существовать все время. И, по этому возможно, что египетская цивилизация, о которой мы, дети 20-го века, говорим как о чем то очень далеком и устаревшем, существовала самое долгое время и казалась предназначенной существовать вечно в глазах ее современников. Во всяком случае, когда мы сравниваем размер нашей цивилизации с размером цивилизации Египта, наши годы кажутся только днями: в Египте они могут гордиться тысячами лет в то время, как мы едва достигли первой

единицы четырехзначной цифры.

Богатства мира в сфере духа, точно так же, как и в сфере физической силы, пересдавались от одной цивилизации к другой, и каждый радостный подъем сопровождался печальным упадком. С математической аккуратностью и математической неизбежностью, за периодами подъема следовали периоды упадка, и замечательные постройки, сооруженные человеком, а также все логические системы и все содержание какой-либо цивилизации, превращалось в прах, не оставляя после себя никаких наследников. Так это случилось с цивилизацией Египта и таким образом одна ночь христианства привела к разрухе величайшего сооружения древности.

На нашу долю выпало быть свидетелями и современниками величайшей европейской усталости, великого европейского затмения. До самых последних дней Англия имела мир под своим контролем. Теперь, однако, дно начинает выпадать из под глиняных ног этого островного гиганта. Будущее несомненно принадлежит нациям, которые еще являются новичками на мировой арене. Такими дебютантами, как по причине своей молодости, так и по причине своих социальных условий, я склонен думать, являются Соединенные Штаты, республики Центральной и Южной Америки, Япония и Россия. Даже самому поверхностному наблюдателю видно, что мировой маятник уже покачнулся в направлении этих стран.

Наблюдая за мировым положением с этой точки зрения птичьего полета и следя за развитием великих исторических движений, я не могу частично не согласиться с моими американскими друзьями, говорящими о вырождении Европы.

Имеются, однако, другие факторы, которые, по моему глубокому убеждению, только и могут осветить эту проблему с других сторон и препятствовать до некоторой степени вынесению поспешных за-

ключений.

Какой бы немощной, разбитой, усталой и разочарованной не была теперешняя Европа, она все же остается главой современной цивилизации, которая растет в более молодых странах за океаном и божественным пламенем, которое зажигает огнем лучшие души и самые благородные стремления. Теперешняя Европа ни в коем случае не истощила всех своих запасов жизненной энергии, отложенных в глубоких неведомых тайниках. Она еще не вскрыла даже всех своих догм. И печать наложенная на нее цивилизацией Халдеи и Египта, та тень, которая была наброшена Хелдеями и Египтянами на мир Платона и Сократа, — все это еще даст себя почувствовать на примере Европы. Так как, хотя наследие цивилизаций может и не простираться на тысячи лет, можно с определенностью сказать, что в течение нескольких ближайших веков формы человеческого существования на нашей планете будут подчинены самому сильному влиянию европейских моделей.

Я беру самые новые, самые сильные, самые жизнеспособные нации, я говорю о тех дебютантах наших дней, которые предназначены быть звездами мировой сцены в ближайшем будущем, и, нравится мне это или нет, я должен сказать, что вся их система организации, вся их духовная жизнь, имеют на себе следы первоначальной европейской работы. Это влияние Европы, вне всякого сомнения, заметно на примере всех американских стран — англо-саксонских, испанских и португальских. Оно не так заметно для невооруженного глаза в случае с Японией, но несомненно имеется и там.

Но в Европе наших дней, даже больше, среди всего человечества, начинают замечаться явления, которые в самом ближайшем будущем приобретут большую важность и большее значение, чем уклонение маятника в сторону Америки от Англии, от цивилизации захода солнца к цивилиз. восхода. В порядке мирового дня стоит колоссальная перемена во всем существовании человеческой расы. До сих пор эта перемена только намечалась, но нет ничего даже приблизительно более важного, чем то разнообразие и богатство последствий, которые вытекают из этой перемены. Я под этим подразумеваю, конечно, широкие массы, которые теперь вступают в свои права и которые вырывают силу из рук теперешних властелинов зубами и кулаками. Только еще вчера они были орудием в руках хитрых и рабами в руках привилегированных классов. Подумали ли вы когда либо о судьбе, которая ждет их? Про-

бьет час — было бы смешно и наивно даже пытаться предсказать точно, когда это случится — ударит двенадцатый час и все повернется обратно к своему источнику, к естественным исполнителям, широким народным массам.

Глупцы и безумцы те, которые из-за своих мелких личных интересов, страстно пытаются сохранить существующий порядок вещей, они, в ком прирожденная ненависть ко всякой перемене, даже самой полезной, очень сильна, и те, кто иногда даже по причине неосознанных побуждений, поражены манией консерватизма, — все эти люди и подобные им могут и должны теперь начать трепетать. Потому что, как бы они не старались остановить колесо истории, эта история уже добралась до такого поворота в своем пути, который открывает новые горизонты и где сердца новых поколений зажжены новой надеждой. Пусть они трепещут и пусть они страшатся. Что касается меня, независимо от моих личных симпатий, я утверждаю, что можно привыкнуть к лучшему и к самому лучшему с такой же легкостью, с какой наша заходящая европейская цивилизация приучила нас к плохому и худшему.

Этот то колоссальный процесс перемены, позволяет мне сказать моим друзьям за океаном, что они слишком поспешны в своих выводах и слишком торопятся похоронить старую Европу. Потому что, когда этот момент наступит в существовании европейских наций, старые страны Европы покажутся нам новыми. Они будут возрождены, так как огромные массы людей остаются такими же нетронутыми, какой является необработанная земля. Они еще не проявили себя, но должны проявить в ближайшем будущем. Я всегда верил, верю теперь и буду верить в нетронутую мощь целины. До сих пор и люди и земля работали для других, для многих. Завтра же они начнут работать на себя, и, как бы не улыбались скептики и не забрасывали нас примерами истории, колесо истории будет двигаться вперед и те, кто откажется принять будущее, должны будут возвратиться к прошлому. Момент, который явится свидетелем действительного пробуждения спящих и безжизненных земель, будет сигналом момента к возрождению всего человечества. И кто может сомневаться, что эта огромная перемена в нашей социальной системе повлечет за собою обильный урожай на поле искусства, культуры и технического прогресса? Уничтожение порабощения, выпрямление европейской криводушной юриспруденции и криводушной совести,

может принести только самые лучшие результаты.

Продолжая существовать в своем теперешнем положении бесформенного окаменения Европа должна будет погибнуть. Жизнь Европы может быть продлена только

ГОЛОС ТРУЖЕНИКА

ко выявлением новых форм социального существования. Она будет жить только в том случае, если умрут мертвящие элементы ее общества.

(Из «Новой Республики»).

Гэнри Барбюс.

От сентиментальности к классовой борьбе

В юных годах каждый из нас отличается отзывчивостью к нуждам и горю не только человечества, но и всего животного мира. Особое качество молодежи это сентиментальность. Не составлял исключения и я.

Как мы волновались в 1901-2 годах, когда Россию постиг голод и холера. Из кожи мы лезли вон, мальчуганы, дабы помочь страждущим братьям. Никакая несправедливость в действительной жизни или же вычитанная из книг, не оставалась без нашего внимания. Все плохое клеймилось, а хорошее восхвалялось.

Время шло. Мы подростки и втягивались в борьбу за существование, так как между беднотой не принято баловать подрастающее поколение. С малых лет нам приходилось заботиться о добывании куска хлеба.

Помню как я был свидетелем большого пожара, оставившего без крова много бедных семейств. Я тут же решил, что необходимо идти добровольцем в пожарную команду и своей работой предотвращать человеческие страдания.

Когда в нашем городе образовалось общество покровительства животных, я также оказался его членом. Нельзя же, в самом деле, позволять всякому издеваться над беззащитными четвероногими.

Затем подросло общество народной трезвости, поставившее своей целью отрезвлять крестьян и пролетариев. Великое горе это пьянство, пьянство это — бич человечества, и стоит только отрезвить нашу бедноту и все пойдет иначе.

Чайные, читальни, народные дома — все это находило отклик среди молодежи.

Но пороков у человечества много, поэтому достаточно большое поле деятельности было для людей, которые стремились уничтожить пустившую глубокие корни проституцию. Кто станет опровергать факт, что проституция вредна для человечества! И мы старались решить важную проблему: как уничтожить проституцию.

Затем криминализм. Какая масса молодежи идет по опасной дороге. Во время братская поддержка, во время дружественное участие и сколько можно спасти падших душ!

Борьба с пороками, просвещение, воспитание, взаимопомощь — на все мы были отзывчивы.

Однако, не все отделялись сентиментальностью. Находились люди, которые доказывали, что все несчастья нашей страны заключаются в том, что у нас нет свободы и что мы, фактически, являемся крепостными. То ли дело в прекрасной Франции, или в демократической Англии, или в республиканских штатах Америки. Там дела ведутся иначе. Народ сам выбирает всех чиновников, сам накладывает на себя налоги, не боится никого и всем режет в глаза правду матушку.

Вот это дело. Нужно и у нас завести такой порядок. Будем избирать депутатов в парламент, чтобы издавали хорошие законы, одинаковые для богатых и бедных, для знатных и простых, для сильных и слабых. А государь будет подписывать эти законы и все пойдет хорошо. Так бы все и шло хорошо в нашем юношеском заблуждении, если бы не оказались люди, которые глубже смотрели в корень зла.

Признаться странно было слушать апостолов классовой борьбы, не хотелось сознаваться, что все наши сентиментальные планы спасения человечества не стоят выеденного яйца. «Корень зла всех несчастий современного общества лежит в экономической и социальной несправедливости», — это казалось таким страшным выкриком в былые времена. А затем как это стало просто и понятно.

Только уничтожив экономическое и социальное неравенство, человечество сможет прогрессировать быстрым темпом. Уничтожьте причины порождающие криминалов и вы уничтожите тюрьмы; уничтожьте причины порождающие проституцию и вы уничтожите проституцию; уничтожьте темноту, суеверия и всякие другие пороки можно только тогда, когда уничтожится неравенство и всем будет доступно просвещение.

Все это хорошо. Очевидно, что веками идет жестокая борьба классов. Очевидно, что ничего хорошего нельзя ожидать пока господствует класс богатых, знатных и сильных, пока существуют классы. Помню какая трудная работа была ра-

зобратся в вопросе о правильном пути к освобождению страждущего человечества. Понятие классовой борьбы не было еще ясно, а потому не была ясна программа действий. Читаешь разную революционную литературу, слушаешь дискуссии, дебаты и все же не можешь определиться. Не было ли так с вами, товарищи рабочие, и не происходит ли это со многими из вас и в настоящее время?

Помнится громадный загородный митинг — нелегальный. Выступает социал-демократ, народный социалист, социалист-революционер, анархист. Все срывають громкие аплодисменты. Все правы. Спрашиваю соседа: «Все хорошо говорят?» «Все правы», отвечает простяк. Но я не хочу показаться таким простым, хотя в душе сознаю, что ни одному из ораторов я не смог бы возразить. Я начинаю доказывать моему собеседнику, что представитель «моей» партии прав, а другие неправы, хотя и говорят хорошо. Я ведь «партийный». Таково партийное невежество.

Многие годы берет прежде нежели рядовой рабочий сознательно займет позицию в рядах рабочего движения. Неразборчиво примкнуть к определенному течению, означает поверить, уверовать, означает быть фанатиком.

Единственным беспристрастным судьей человека является сам человек. Когда он займется переоценкой ценностей, то ви-

дит сзади себя долгий путь гаданий, неопределенностей, ошибок, — как их много! Они не были для нас ошибками тогда; за наши действия мы готовы были полезть на ражон, а потом видим, что мы ошибались. Способны ли мы признавать свои ошибки и исправлять их?!

Увлечение паллиативами, увлечение великими революционерами, долженствовавшими вывести человечество на истинный путь, увлечение политическими партиями, увлечение разрушительной программой и отрицанием — все это должен пройти наш брат рабочий, прежде чем твердо стать на классовую точку зрения.

Борьба классов. Да, жестокая борьба классов происходит ежедневно, ежеминутно. Кто ее не видит, тот слеп. Кто не слышит грохота классовой войны, тот глух. Кто не призывает рабочих в ряды организованной армии труда, тот нем. Кто сознает, но избегает прямого участия в классовой борьбе, тот трус. Кто отрицает классовую борьбу, тот либо лицемер, либо служит орудием власти имущих (сознательно или бессознательно), либо невежда.

В великой борьбе класса угнетенных и поработенных с классом угнетателей и поработителей — где вы стоите?!

Вы может быть нейтральны?

Берегитесь, в час развязки нейтралитета быть не может.

Я. Старик.

ЧТО НУЖНО РАБОЧИМ.

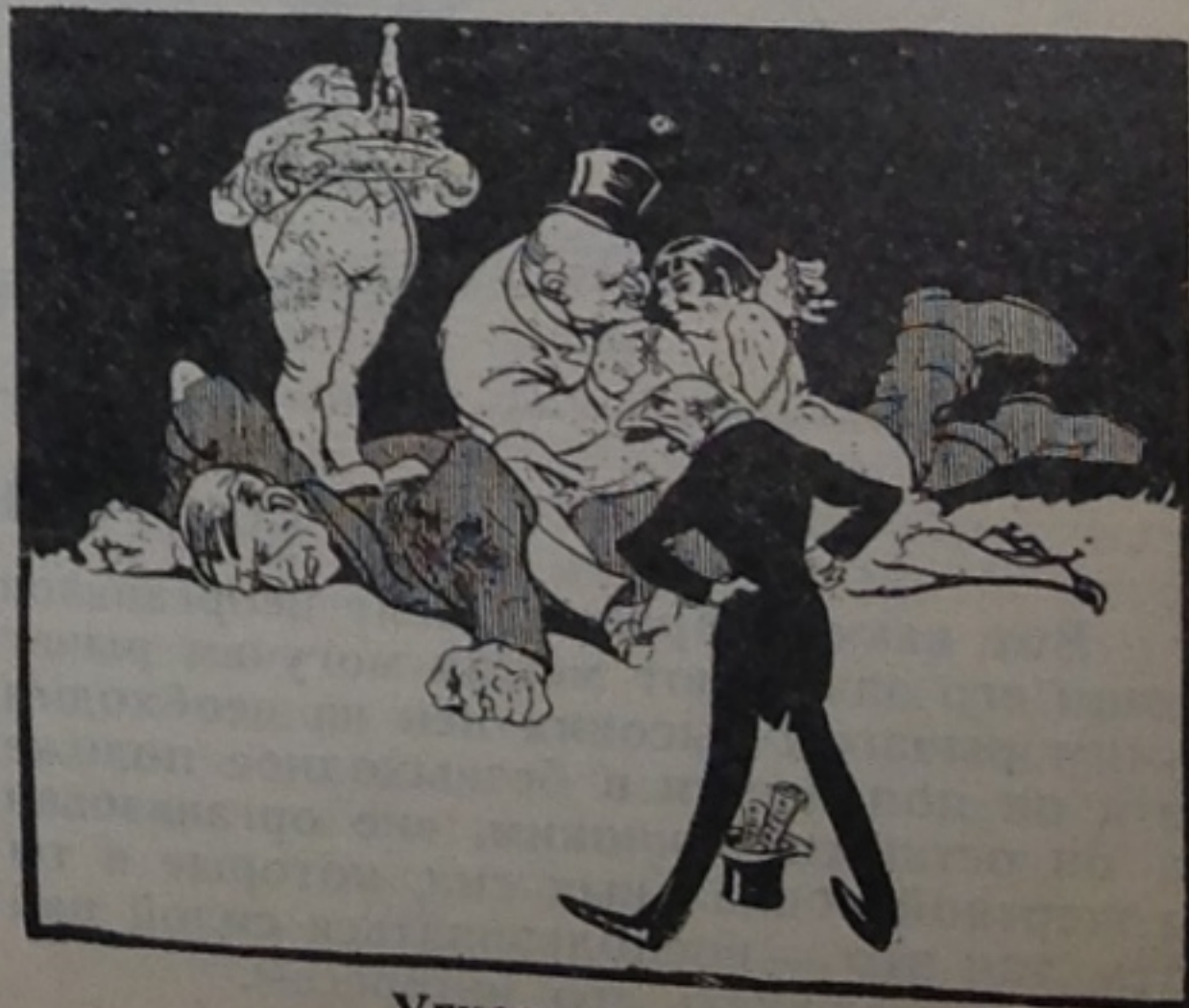
«Не единым хлебом насущным жив человек». Также тяжелая работа сама по себе не может сделать рабочего сознательным. Для этого нужно просвещение.

Стремясь к просвещению и знанию рабочие естественно приходят к организации и воспринимают идеалы, без которых они были бы ничем иным, как своего рода ворчунами. И наоборот, организовавшись, познав идеал свободы, они становятся революционерами, гордостью своего класса.

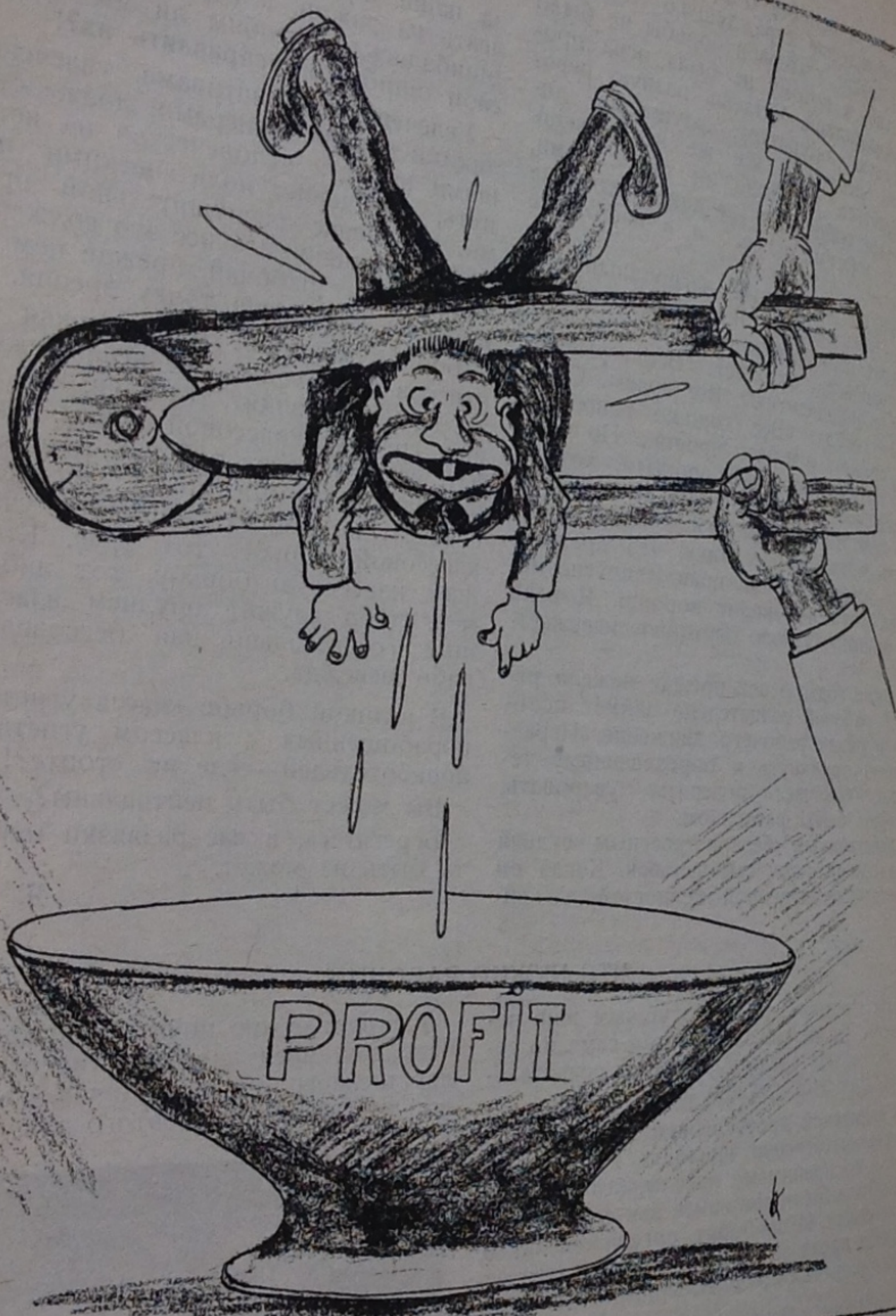
Рабочим нужно читать хорошие книги и учиться. Капиталисты не любят сознательных и мыслящих людей. Это видно из их собственных поступков. Господствующие классы угнетают и всячески стараются избавиться от тех, которые знают и открыто говорят правду.

Много талантливых людей, гениев — этой красоты человечества — пали жертвами неразумных правителей, считавших свою гегемонию над миром выше всего ценного и благородного.

Рабочим нужно понять окружающую их неправду, вред капиталистического государственного строя, и поняв, следует навсегда избавиться от этого зла.

Угнетение гения.

СОЦИАЛЬНЫЕ СИЛЫ.

Вот каким образом давят неорганизованного рабочего. В своем одиночестве и немощи его зажимают между могучим рычагом низких зарплаток внизу и таким же могучим рычагом высоких цен на необходимые ему в жизни продукты вверху. В результате он попадает в безвыходное положение и не может помочь себе до тех пор, пока он остается одиноким, вне организованной рабочей среды индивидом. Он становится жертвой социальных сил, которые в тысячу раз сильнее его. Все, что он может сделать, так это — воспользоваться силой рабочей организации, социальной силой, которая может служить его интересам.

СОЦИАЛЬНЫЕ СИЛЫ

I

Нет нейтральности в классовой борьбе.

Классовые интересы разделяют общество на два враждующих лагеря, между которыми нет нейтральной территории и нейтральных людей. Пролетариат вынужден признать, что в битве, которую он вынужден вести за себя, он встречает только вражду со стороны всех других социальных элементов. В «публике» же он видит только неудачную попытку выделить из своей среды ту часть, которая ведет борьбу в каком-либо секторе обнимающей собою весь мир боевой линии. Кроме того, это является попыткой выделить такую часть главным образом для того, чтобы можно было легче раздробить силы пролетариата и сделать все попытки его неудачными. В глазах воинственного пролетариата нет такой вещи, как «публика» в общем применении и общепринятом значении этого термина. Для рабочих «публика» — непонятный термин. Этим термином стараются обнять всю ту часть общества, которая не принимает непосредственного участия в индустриальных конфликтах и которая, по всем предположениям, может оставаться нейтральной. Неоспорим, однако, тот факт, что те-же самые элементы борьбы и вражды присущи и «публике». Классовое деление также заметно в рядах «публики», как и среди враждующих сторон во время индустриальной забастовки, и нужен только небольшой инцидент, чтобы классовое расслоение «публики» вышло наружу и проявилось со всей своей четкостью.

Когда мы начинаем анализировать «публику», мы находим, что она состоит из наемных рабочих и хозяев, т. е. из тех же элементов, которые являются враждующими сторонами во всех индустриальных конфликтах, и поэтому в рядах «публики» нельзя найти той нейтральности, которая, как многие полагают, присуща ей. «Публика» никогда не заинтересована в справедливости. Она всегда руководится идеей выгоды. Она находится под влиянием доминирующего класса и поэтому не может выносить беспристрастного социального приговора. Она вполне согласна с капиталистическим представлением о том, каковым общество должно быть и склонна видеть во всяком затруднении, испытываемом капиталистическим строем, преступление совершенное рабочими. Она не нейтральна. Она не может быть ней-

тральной. Одним из доказательств этого служит неоспариваемое ею утверждение капиталистов о том, что всякий забастовщик является потенциальным преступником. С общего согласия исполнительная власть и полицейские силы в «интересах публики» действуют на основании такого утверждения, так как мы знаем, что всякий раз, когда рабочие в какой-либо важной индустрии порывают сношения с хозяевами, все репрессивные и так называемые «исправительные» силы государства приводятся в действие против бастующих. Пролетарское движение, однако, и не ждет, чтобы эти силы действовали иначе, так как оно признает, что все эти учреждения служат только оплотами, которые воздвигнуты капиталистами для охранения такой социальной системы, которая дает только им выгоды и преимущества. «Публика» служит только удобным прикрытием, при помощи которого они стремятся отождествить временно мирный пролетариат с собою и направить его против тех рабочих, которые принимают активное участие в защите своих индустриальных интересов.

Удобная «публика».

Например, когда углекопы бастовали в апреле 1922-го года, против них был поднят крик «общественных интересов». Была произведена организованная попытка осудить их в глазах других рабочих указанием на то, что поведение бастующих сокращает запасы угля и угрожает еще больше поднять цены на топливо. Пропагандисты вваливали всю ответственность за это на углекопов, и только на них. Рабочим старались вдолбить в головы, что забастовочные действия углекопов были враждебны их интересам. В действительности же случилось то, что анти-социальное и несправедливое отношение, которому подверглись углекопы, вынудило последних потребовать возмездия со стороны тех, кто стоял между ними и обществом, которому они оказывали необходимую услугу. Битва, проведенная углекопами, фактически велась в интересах всего рабочего класса. Вина хозяев в прекращении добычи угля была сведена до минимума. После всего, однако, общество не зависит в угле от владельцев шахт, а зависит только от рабочих. Вот почему общество всегда готово выступить в роли «публики» и поддержать капиталистическую сторону.

Точно также, когда бастуют железнодорожные рабочие или рабочие какой-либо другой основной индустрии, на об-

ществленную сцену тащат «публику» как причину, почему перерыв в индустриальном производстве недопустим.

Капиталистическое владение, антисоциальная причина таких перерывов, всегда тщательно скрывается теми интересами, которые пользуются «публикой» для таких целей.

Представление о том, что «публика» является частью народа, не имеющей своих классовых интересов в исходе индустриальной борьбы, не может быть ничем оправдано, так как кроме всяких других соображений, успех рабочих в забастовке очень часто служит побуждением для других наемных рабочих, которые временно включены в число «публики». Точно также, если исход борьбы является благоприятным для хозяев, активно участвующих в борьбе, другие хозяева, входящие временно в число «публики», побуждаются выступить против своих рабочих, которые тоже временно были причислены к «публике». Эти рабочие, в свою очередь, станут объектом, против которого вновь подтасованная «публика» будет направлена с лозунгом нейтральности.

Такая уловка, которой пользовались так часто и успешно в целях раздробления рабочих сил и натравливания одной части их против другой, добивавшейся тех или других требований, скоро, однако, должна быть отброшена. Линия деления между доминирующими капиталистическими интересами и наемными рабочими рассеет иллюзию о том, что рабочие могут служить своим собственным интересам активным выступлением против попыток своих товарищей-рабочих или оказанием помощи той стороне, которая стремится нанести им поражение в борьбе за улучшение условий труда и жизни. Наоборот, рабочие поймут, что они могут оберегать свои интересы самым успешным образом только оказанием помощи своим товарищам рабочим в критическое время.

Иллюзия рассеивается.

Угроза третьей стороны в забастовке — «публики» — сама собой отпадет, когда рабочие поймут, что капиталисты пользуются ею как средством маскирования того, чем должно быть их общество. Когда будет понято социальное значение забастовщиков, даже только немного, будет невозможно пользоваться дольше этой угрозой. Когда будет понято, а это понятно будет, что забастовка служит орудием рабочих в борьбе за прогресс не только в их собственных интересах, но и всего общества, потенциальная сила этого орудия будет настолько могуча,

что рабочие смогут и не прибегать к его помощи. В то время, как забастовка служит последним и крайним средством борьбы при существующих условиях по причине непонимания рабочими ее значения в капиталистическом порядке вещей, недалеко то время, когда одной угрозы забастовкой будет вполне достаточно.

Рабочие начинают понимать, что капиталистическое общество заботится только о своих собственных удобствах. Пока удовлетворение общественных нужд не нарушено, общество совсем не заботится о том, как, кем и при каких обстоятельствах эти нужды удовлетворяются; да и в случае прекращения работ в индустриях общество только старается удалить препятствия с наименьшими неприятностями для себя и без какого-либо стремления выяснить и уладить причины, побудившие рабочих прекратить производство.

Пролетариат своим тесным соприкосновением и контролем над средствами производства может пользоваться и пользоваться забастовкой, как орудием закрытия источников хозяйских прибылей — использования рабочей силы — в целях достижения своих требований. Рабочие никогда не пользовались забастовкой в целях воздействия на общество. Не делали они этого потому, что не понимали всей возможной мощи забастовки, как общественного воздействия. Они не понимают социального характера своей собственной услуги.

Тот факт, что рабочие не понимают этого, служит преступлением против рабочего движения. В Америке экономические условия — закрытая книга для рабочих. В так называемом организованном рабочем движении в Соединенных Штатах только немногие рабочие знакомы с законами, регулирующими капиталистическое производство, или даже с историей рабочего движения, и еще меньшее число их понимают самый важный факт нашего времени — классовую борьбу.

Организованное рабочее движение в Америке служило интересам капиталистического общества, продляя экономическую невежественность среди рабочих. Поскольку дело касается какой-либо философии, учения рабочего движения отрицают классовую борьбу. Оно всегда принаравливалось к идее о «публике», как чему социально обособленному. В результате всего этого, когда перед рабочими возникает опасность, они не знают, как действовать; все, что они знают или думают, что они знают, делает их более чем беспомощными, и они все время своими ошибками содействуют своему собственному поражению.

Признание идеи «нейтральной публики» стоило рабочим много горького опыта, как например: решение судьи Ландиса в спорах между подрядчиками и строительными рабочими в Чикаго и решение арбитра в борьбе печатников в Нью-Йорке. Железнодорожный рабочий комитет до сих пор является примером неприемлемости этой фикции. Сознание того, что «нейтральность публики» является фиктивной, все время укрепляется в рабочих. Возбуждаемое неспособностью представителей от «публики» выносить беспристрастные суждения, это сознание будет переходить в классовое сознание со все время усиливающейся быстротой.

Что в классовой борьбе не может быть нейтральных людей, все более и более становится очевидным для рабочих, вынужденных нести всю тяжесть индустриальной борьбы по причине, что они стоят в первых рядах социальной армии. На этот то элемент общества капиталисты и направляют все свои атаки, при помощи которых они добиваются дальнейших побед. В одном месте они урезают заработки, в другом — удлиняют рабочий день, а в третьем — вводят новые машины и тем самым делают труд и напряжение рабочих более интенсивным. Своей конечной целью капиталисты имеют уничтожение в рабочих всех стремлений к освобождению и ничем меньшим они удовлетвориться не могут; обеспеченность класса капиталистов зависит от необеспеченности класса рабочих. Эта опасная философия капиталистов — с ее ограниченным взглядом на будущее — не допускает никаких компромиссов. Они, однако, недостаточно понимают, что хотя пустой желудок и может служить временно их интересам, но голод, подобно огню, может быть и хорошим слугой и очень опасным хозяином.

Человеческий товар.

Сидеть в конторе и высчитывать стоимость строительных материалов — одно дело, но люди, связки человеческой силы — человеческого товара — хотя и могут считаться товаром, все-же во многом отличаются от всех других товаров, так как они являются воплощением стремлений, надежд, идеалов, воли и нужд. В своей массе их можно удерживать на месте только потому, что они неосознательны. Когда же их заставят понять классовую природу борьбы, в которой они падают жертвами, стремления и достижения рабочих могут быть ограничены только их собственным кругозором.

Злоупотреблять силой, которой обладают рабочие, тенденция всех тираний,

и все эти тирании сами создали средства, при помощи которых они были уничтожены. Капиталистическая автократия тоже не является исключением. Пожалуй никогда еще в истории не были так ярко выявлены линии, отделяющие эксплуатируемых от эксплуататоров, как в настоящее время. Индустриальные автократы поработают и лишают свободы самую могучую силу, которая когда либо существовала в мире. Воображаемая сила капиталистов служит только отражением отсутствия сознания в рядах рабочего класса. Они все время тревожат рабочих, не сознавая, что они — могучая сила. Когда же своей назойливостью они разбудят веками спавшего гиганта с его веками взлелеянными мечтами доминирующими над его сознанием, капиталисты содрогнутся пред мощью разбуденной ими силы.

Проблема труда, это — «проблема жизни» для рабочего класса, сохранения человеческой расы. Всякое влияние без различия источника, откуда оно исходит, поработавшее труд в той или другой степени, не только анти-рабоче, но также и анти-социально. Рабочие составляют единственный элемент необходимый для продления существования человеческой расы. Они являются необходимым социальным элементом. Всякое рабочее движение, прослеженное до своего логического конца, имеет своей конечной целью социальный объект. Рабочие не могут извлекать выгод из своих побед для себя только. Всякое право приобретаемое рабочими укрепляет социальные гарантии и означает, что человеческая раса преодолела еще одно препятствие на своем пути вперед к прогрессу. Всякое же движение в пользу капиталистических стремлений является анти-социальным, так как всякое капиталистическое стремление может быть удовлетворено только за счет другого великого социального класса — рабочего класса.

Ухудшение человеческого товара.

Всякий раз, когда становится необходимым бросить миллионы людей в безработицу; нанимать и безжалостно эксплуатировать женщин — матерей человеческой расы; осудить детей на плохое питание и мизерное существование; обременить рабочих длинными часами и интенсивным трудом и заставить их жить на нищенские заработки, — физические качества расы неизменно понижаются и общество в целом ставится в опасность.

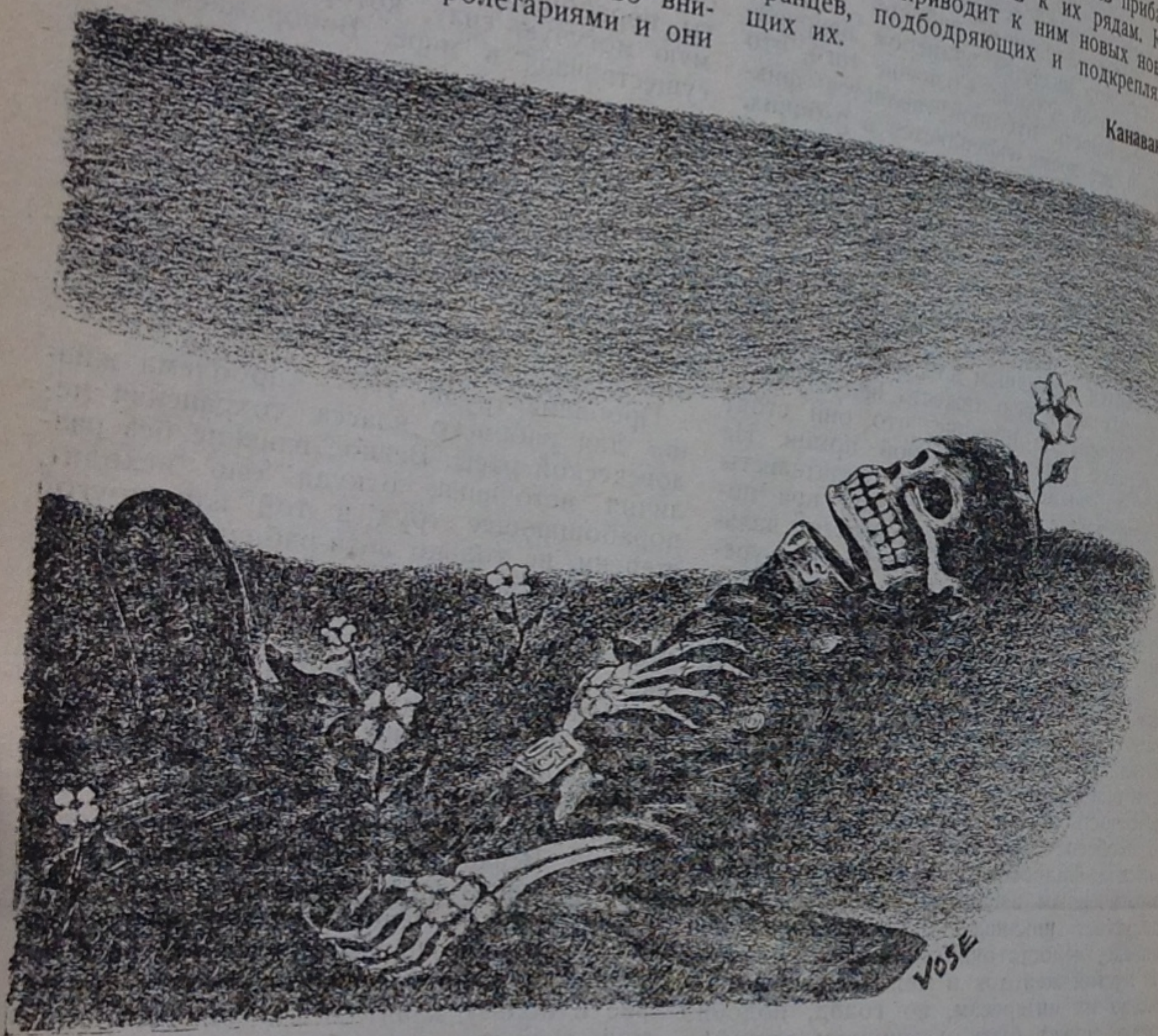
Лишить ребенка игр и возможности получить образование — крайне анти-социально. И в этом нужно обвинять капита-

лизм. Все, что диктуется капиталистами идет в разрез с интересами общества в целом и очень вредно для человеческой расы. Самые лучшие экземпляры людей выбираются для убийства в войне и, как следствие, вся человеческая раса вырождается.

Все эти факты были приняты во внимание воинственными пролетариями и они

делают все возможное, чтобы и другие рабочие поняли их значение. Они ведут борьбу против неравных сил. Но жизненный опыт рабочих каждый день прибавляет новых соратников к их рядам. Каждый день приводит к ним новых новобранцев, подбодряющих и подкрепляющих их.

Канаван.

ОН УМЕР ЗА ИНТЕРЕСЫ МОРГАНА И КО.

Войны всегда были ужасным преступлением, совершаемым правителями по отношению к широким народным массам. Лучше всего это видно из примера мировой войны 1914-18 годов, в которой было до 8 миллионов убитых и до 13 миллионов раненых и искалеченных.

Зияющая рана, нанесенная человечеству этой войной, еще не зажила и будет чувствительна долгое время. Но, несмотря на это, мы опять являемся свидетелями грандиозных приготовлений к новой войне, более ужасной, более все-истребляющей.

Милитаризм — фактор разрушения; милитаризм — не что иное, как организованное убийство; милитаризм всегда стоит за войну против рабочего класса.

Но рабочие падают жертвами не только на полях сражений во время войн; они так же повседневно умирают в большом количестве на поприще производства, обильно поливая своей кровью и устилая костями различные места работы.

Пусть же рабочие помнят, что от них самих зависит их жизнь и свобода; что никто не сможет послать их на убой, если они не захотят идти, если они откажутся принимать участие в борьбе, которую им насильно навязывают.

Пусть нашим лозунгом будет — жить и трудиться для себя и для нашего класса угнетенных тружеников!

Девятое января

Когда наступает январь месяц, так само собой вспоминается то важное событие, которое имело место в Петербурге в день 9-го января 1905 года. Это событие является, так сказать, как бы прологом русской революции, оно открыло эру народных выступлений, которые чередовались одно за другим в течение всего 1905 года.

Двадцать лет прошло с тех пор, как Петербургские рабочие впервые увидели баррикады, которые погребли массу смелых, но еще наивных рабочих. Петербургские рабочие будучи недовольны экономическим и социальным неравенством, требовали улучшения своего бедного положения. Это недовольство и создавшиеся обстоятельства сильно возбуждали среди рабочих ненависть к правительству и его слугам-охранникам. Волнения усиливались и все шире и шире охватывали промышленные центры. Когда же на Путиловском заводе начали увольнять рабочих, так оставшиеся на своих местах товарищи, в знак протеста против увольнений, объявили стачку, которая неожиданно вылилась во всеобщую забастовку Петербургского пролетариата, парализовавшую все главные индустрии города. В то время во главе забастовочного движения стояло так называемое «Общество Рабочих», организованное священником Гапоном. Имя этого господина многим связано с январскими событиями в Петербурге. Раньше бывший малоизвестным, Гапон впоследствии стал кумиром и вдохновителем тысяч рабочих, двинувшихся шествием к царскому дворцу. Гапон принял активное участие в забастовке. Он выступал на митингах и агитировал за объединение рабочих. Но когда требовалось решительное действие для разрешения вопроса о том, как улучшить положение тружеников, так этот самый Гапон и ему подобные стояли за то, чтобы идти к самому царю-«батюшке» с просьбой, чтобы он позаботился об их недостатках. Идея этого хождения и была проведена в жизнь, которое закончилось кошмарными трагическими последствиями.

В день 9-го января 1905 года, с раннего утра стали сходить к назначенному месту рабочие, выстраиваясь в длинную колонну человеческих тел. Это собиравшийся еще веровавший в царя народ совсем не подозревая того, на что способны царские

опричники. Там были знамена и иконы, эти символы угнетения, рабства и произвола самодержавия. Неся в рядах своего шествия знамена и иконы, участники его хотели тем самым доказать свою лояльность режиму, который быть может многие из них в душе ненавидели. Рабочие будучи уверены в том, что правительство не станет вмешиваться в их мирное шествие, смело двигались к Зимнему Дворцу. Однако, они плохо рассчитали: царь испугавшись дал приказ своим верным слугам — свинца не жалеть! Тут то и свершилось невероятное избиение: ружейными залпами и казачьими нагайками уничтожали беззащитных граждан Петербурга. Убивали и калечили народ и в то же время, не подозревая того, расстреливали последние остатки наивной веры в абсолютизм.

За январскими событиями наступила черная реакция и потянулись по дорогам длинные вереницы революционеров в далекую холодную Сибирь — на каторгу и в ссылку. Плутократия своими кровавыми расправами и ссылкой имела в виду убить стремление к свободе, но вышло как раз обратное: в сравнительно короткий период времени после кровавого воскресенья пал царизм и с ним вместе ушли безвозвратно и его опричники.

Российская революция 1917 года уничтожила царизм, но не устранила всех препятствий с пути к свободе и народ по прежнему находится в угнетении. Из этого видно, что еще и еще нужно напрягать силы борцам за свободу и преданно работать над тем, чтобы создать такое революционное движение, которое в самом деле положит конец всякой власти и уничтожит причины голода и страданий.

События 9-го января имеют особую важность и значение. В этот день рабочая масса навеки погребла наивную веру в добродетель царя; в этот день разрушилась та китайская стена, которая скрывала от народа разлагающийся труп самодержавия; в этот день была сорвана повязка с глаз народа и он узрел путь к свободе, увидел ее свет, который манил к себе и будет манить до тех пор, пока существуют преграды к нему.

Честь и слава погибшим борцам! Проклятье убийцам!

Н. Грибов.

Я, ВЕЛИКИЙ Я

ГОЛОС ТРУЖЕНИКА

Каково Я меня и вас и других одного миллиарда, пятисот миллионов, девяти сот девяносто девяти тысяч, девяти сот девяносто девяти человеческих существ, бродячих случайно на нашем комке грязи?

Моя душа, дух, воля, сознание, эго, интеллект и ум подчинены этому Я. Я горжусь своей сильной волей, и все же моя воля не может функционировать без инициативы со стороны Я.

Я считаю свой ум высшей собственностью человека, но Я часто говорю: Я меняю свое решение.

Другие насмеваются над моим умом; они могут даже умалять мои интеллектуальные способности; моя душа становится воинственной, когда ей приходится переживать агонию; но Я никогда не был унижен; Я не позволю этого.

Не было начала создания; не было также и рассвета его; но в другой точке цикла Универсальной Деятельности, когда клетки протоплазмы впервые появились из скалы, Я был там.

* * *

Я автор всех естественных законов, но мое слабое сознание не может понять всех этих законов.

Я имею много плохих сторон, но еще больше благодетелей. Последние в большинстве своем задушены. Иногда они отражаются в вас, а поэтому, если Я люблю вас, вы обожаете не что иное, как мое Я. А когда Я ненавижу вас, вы презираете только ту часть меня, которая вам неприятна.

Мой поступ к счастью едва только на-

чат. Слабые средства, при помощи которых я должен выражать свое довольство, красоту и любовь, пробивающиеся изнутри, задерживают мой прогресс. Мой интеллект, связанный с чисто материальными вещами, не может предвидеть всех возможностей. Моя воля не может преодолеть высоких стен формальности, мнимой силы, догмы и страха.

Мое величайшее свойство — воображение, но оно находится еще в зачаточном состоянии. Когда оно разодится и разовьется достаточно, чтобы могло играть и кооперировать с моим другим ребенком — волей, оба они поднимут на ноги старую няню — сознание, и заставят ее иначе посмотреть на жизнь. Старуха — сознание — будет поражена ловкостью этих двух юнцов. Они быстро узнают все о маленьком царстве, в котором она живет. Они поймут и подметят такие вещи, существования которых она и не подозревала. Они будут настоятельно требовать расширения поля своей деятельности.

Удаляя паутину со своих глаз, она устремит свой взор в космические глубины и узрит чудовищную правду. Крайне интересно только подумать о озадаченном выражении ее лица, когда она обнаружит Я в каждом уголке, в каждой затаившейся трещине мира.

Потом подметьте приятную довольную улыбку удовлетворения, когда она поймет, что Я твердо и в то же время осторожно ведаю ее судьбою. Это будет так, так как в тот день будет известно, что Я есть.

Будущий Философ.

Повседневная борьба

Рабочие заинтересованы в том, какова будет их борьба за существование в будущем. И это понятно, так как всем известно, в особенности самим рабочим, что их жизнь в наше время есть не жизнь, а каторга.

Иначе говоря рабочие заинтересованы в более лучших условиях труда и в справедливом к ним отношении.

Но это суть вещи первоначальные и с ними мы должны иметь дело раньше, чем рабочий заинтересуется более важными достижениями и, воодушевившись элементарными завоеваниями, станет готовым к борьбе за осуществление великих идеалов свободы.

Организуйте еще неорганизованных. Дайте им понять, что нет смысла убивать себя тяжелым трудом на паразитов.

ИНТРИГИ Г-на УТИНА

Вступительная заметка.

Настоящая статья (написанная Бакуниным по-русски) в печати появляется впервые. Известный биограф Бакунина тов. М. Нетлау любезно предоставил эту рукопись „Рабочему Пути“. Но „Р. П.“, к сожалению, закрылся и рукопись осталась неопубликованной. Желая, чтобы она скорее увидела свет, я обратился к тов. Нетлау за разрешением опубликовать ее в „Голосе Труженика“, на что и получил согласие.

Написание этой статьи, по компетентным словам тов. М. Нетлау, относится к августу месяцу 1870 года. Бакунин рукопись не закончил, прервав ее на самом интересном месте. Если бы он закончил эту работу, то мы имели бы его взгляд по чрезвычайно важному вопросу русской жизни — взгляд на общину с экономической и политической точки зрения. Работа эта осталась неоконченной потому, что развернувшиеся события (франко-прусская война) привлекли к себе все внимание Бакунина и он, оставив „Интриги г-на Утина“, приступил к работе над знаменитыми „Письмами к Французу“.

„Интриги г-на Утина“ имеют двойной и очень крупный интерес. Во-первых, они чрезвычайно интересны с историко-биографической точки зрения и, во-вторых, с теоретической; особенно, с последней, так как Бакунин разбирает здесь два чрезвычайно важных для анархической морали вопроса: 1. Может ли человек сохранить свою нравственность в безнравственных условиях? и 2. Власть и привилегии не являются ли главными причинами общественной безнравственности? Подходя к разрешению этих вопросов, Бакунин затрагивает еще целый ряд очень интересных и важных вопросов, например, о свободе воли, воспитании и т. д. С теоретической стороны эту работу можно считать чрезвычайно ценным приобретением для установления бакунинской философии анархизма.

Что касается г-на Утина, имя которого, вероятно, ничего не говорит большинству читателей „Голоса Труженика“, то, чтобы дать о нем некоторое понятие, мы скажем несколько слов.

Утин, сын зажиточного русского еврея, был причастен к революционному движению русского студенчества. Опасаясь правительственного преследования, он уехал за-границу, где выдавал себя за страшного революционера, в поимке которого очень-де заинтересовано русское правительство. Этот молодой человек был преисполнен честолюбием и тщеславием необычайным. Ему во что-бы то ни стало хотелось сделать головокружительную революционную карьеру. С этой целью он сблизился с Герценом, которого потом всячески поносил. С этой же целью он хотел втереться в доверие к Бакунину, но когда ему это не удалось он перекинулся на сторону К. Маркса и начал клеветническую кампанию против Бакунина. Когда вражда между Марксом и Бакуниным дошла до своего предела и когда Маркс начал собирать всякого рода порочащие честь Бакунина документы, то Утин был одним из главных агентов Маркса. Г-н Утин, исполняя директивы Маркса, собрал ряд различных уставов и

проектов, из которых был составлен, или самим Утиным или Марксом, так называемый „Устав тайного альянса“, который вошел в пасквильную брошюру „Альянс социалистической демократии“, направленную против Бакунина. До сих пор осталось невыясненным, скрыл ли Утин от Маркса и Энгельса *недействительность* этих документов или Маркс, будучи осведомлен об этом, не постеснялся выдать их комиссии, разбиравшей дело Бакунина, за подлинные. Факт тот, что комиссия, базирясь на этих документах, исключила Бакунина из Интернационала. Интриги г-на Утина, на которые Бакунин не обращал внимания, в конце концов, зашли так далеко, что Бакунин решился морально уничтожить его и принялся за писание публикуемой статьи, но он, по обыкновению, увлекся другой темой и совершенно забыл об Утине.

Утин, в конце концов, подал прошение царю о помиловании, был прощен и уехал в Россию, где окончил свои дни мирным и верноподданным буржуа.

Рукопись печатается по новой орфографии, но с сохранением всех грамматических и стилистических особенностей оригинала.

Г. Максимов.

Чрезвычайно неприятно говорить о личных делах. Еще неприятнее распространяться о проделках маленького господина, который только из того и бьется чтоб о нем говорили, но вся личность которого не стоит траты слов. Есть люди, однако, которые, при всей микроскопичности сил, ума и других достоинств своих, одарены одною громадною способностью — способностью обратить на себя невольное внимание всякого имевшего несчастье встретиться с ними.

Эти люди похожи на комаров. Комар животное не большое и не сильное но зато в высшей степени несносное. Одним жужжанием своим он может вывести из терпения человека самого равнодушного и терпеливого. К тому же природа одарила его жалом, правда микроскопическим, но наполненным яда, и он щекочит Вас им, жужжа в Ваших ушах свою вызывающую песнь победы, до тех пор пока, выведенные из терпения, Вы его не прихлопнете.

Вот уж более года, как г-н Утин привязался ко мне как комар. Пора же и мне поступить с ним, как с комаром поступают.

В первый раз встретился я с г-м Утиным в Лондоне, в октябре 1863-го года. До тех пор самое существование его было мне неизвестно. Огарев представил мне его как одного из бежавших членов комитета общества „Земли и Воли“, что впрочем не могло его возвысить в моих глазах, так как этот комитет, по свидетельству наше-

го покойного друга Потебни, состоял большею частью из мальчиков игравших в революцию и в тайные общества.

Двухчасового разговора с г-ном Утиным было достаточно чтоб убедить меня, что он принадлежал не к серьезным членам этого комитета. Маленький господин с большими претензиями — вот все впечатление вынесенное мною из первой встречи. Впрочем впечатление это было так слабо, что, в продолжении четырех лет, проведенных мною потом в Италии (от начала 1864-го до сентября 1867-го года), я успел забыть совершенно черты его лица и вероятно позабыл бы самое имя его, если время от времени до меня не доходили смутные слухи о скандальной войне поднятой г-м Утиным против А. И. Герцена.

Во второй раз встретился я с ним в сентябре 1867-го года в Женеве, на первом конгрессе **Лиги Мира и Свободы**. В этот раз он произвел на меня самое странное впечатление — впечатление тщеславно-беспокойного жидка*) лезущего из кожи для того чтоб сделать себя во что бы то ни стало и каким бы то ни было средством известным. Первым словом его было: «Я объявляю всем что я партизан Бакунина, а не Герцена». И в самом деле несколько французских членов конгресса, обратились ко мне с вопросом: «Qu'est ce que c'est donc que ce Monsieur, qui vient de'clarer a tout le monde qu'il est votre partisan, et non celui de Herzen?»*) Я должен был признаться, что я этого господина совсем или почти совсем не знал, не знал откуда и за что мне сия благодать.

После конгресса г-н Утин снова куда то исчез. Я поселился подле Vevey у Н. И. Жуковского. Жуковский задумал и предложил мне издавать вместе с ним русский журнал. Он страстно предался этому предприятю. Не было денег, он достал денег: один русский знакомый, которого я назову г-н X, дал ему тысячу рублей на издание журнала.

Признаюсь что я долго не подавался на

*) В подобных этому выражениях, достойных сожаления, многие из современных противников Бакунина усматривают проявление антисемитизма, тогда как, на самом деле, здесь, как и в других случаях, можно усмотреть только простое личное озлобление раздраженного и выведенного из равновесия Бакунина, против людей, в большинстве еврейского происхождения, преследовавших его грязной клеветой, а не против еврейства, как нации.

Обвинять в антисемитизме интернационалиста Бакунина по меньшей мере смешно.

*) „Что это за господин, который всем объявляет, что он ваш сторонник, а не сторонник Герцена?“

ГОЛОС ТРУЖЕНИКА

предложение Жуковского. Я был исключительно занят интернациональною пропагандою, боялся что издание русского журнала возмет у меня слишком много времени; к тому ж с Россиею не имел более никаких сообщений, а с другой стороны, на ученный опыт А. И. Герцена, опасался слишком близкого соприкосновения с русскою эмиграционною грязью, в которой злобно-клеветливое празднословие и сплетни заступают место великого дела. Однако горячее упорство Жуковского победило мою неохоту. Мы решились издавать вместе «**Народное Дело**».

В это время, т. е. около конца зимы 1868 года, появился вновь г-н Утин, и на этот раз, в продолжении нескольких месяцев прожитых вместе, я успел узнать его досконально.

Прежде всего поразили меня его драматизм, фразерство, а потом его непроходимая безтолковость. Редко я встречал в человеке такое отсутствие простоты в мысли, в чувстве, в слове и в деле. Вечно преследуемый мыслью о самом себе, этот несчастный человек в самых обыденных поступках, в малейших проявлениях своей страдальчески-изковерканной личности, силится доказать себя и себе и другим. Он не умеет ни есть, ни пить просто; не может позабыть ни на одну минуту что он страшный революционер и конспиратор, неутомимый террорист, и вместе с тем, человек обречший себя на великий подвиг и на высокую жертву, на мучение, на верную гибель, для спасения человечества вообще и России в особенности. Эта фраза перешедшая в него вероятно вместе с восточною кровью, воплотилась во всем его существе. Она делает его, в одно и то же время, беспрестанным мучеником и комедиантом; и увы! неутомимым интриганом.

Вечное позирование, рисование и становление себя на подмостки, тщеславные и пустозвонно-великодушные речи, одним словом весь этот выпендренный и комический драматизм маленького человека тщетно силившегося сделаться чем нибудь, действует отталкивающим образом на всякого серьезного человека, особенно на мужчин; но за то, нередко, производит действие обаятельное на женщин, ищущих впечатлений и содержания. Вот почему у г-на Утина приверженцев не много, но за то есть с полдюжины поклонниц, принимающих его мишуру за чистое золото и приносящих ему немалую пользу. Посредством их распространяет он свои клеветы, расставляя сети свои, ловит новых людей, и сорушает себе пьедесталик.

Чтоб убедиться в умственной несостоятельности г-на Утина, довольно прочесть

несколько номеров издаваемого им «Народного Дела», начиная от второго. В первом номере он не участвовал, я имел терпение прочесть их все, от доски до доски, и пусть убьют меня, если я в состоянии передать то, что в них сказано. Редкая способность наговорить множество слов, более или менее красивых и звонких, и не высказать ни одной мысли. Цель у этого несчастного журнала повидимому только одна: поведать миру что революция есть революция и что г-н Утин пророк ее! Не даром покойный Серно-Соловьевич сказал мне, не за долго перед своею смертью, в присутствии нескольких женевских интернационалов: «Утин, своими отвратительными революционными фразами заставил меня возненавидеть самое слово революция».*)

Все статьи в «Народном Деле» написанные почти исключительно г-ном Утиным и свидетельствуют, правда, о его неутомимой, но вместе с тем, и совершенно бесплодной работе. Каждую статью этого журнала можно сравнить с щегольским, разумеется всегда красивым футляром без всякого содержимого. Есть смутные, недодуманные представления о всевозможных предметах. Видно что г-н Утин многое слышал, читал, и ничего не понял. Представления его перепутаны самым комическим образом, друг с другом как-то не вяжутся и большею частью уничтожают друг друга, так что на той же самой странице Вы найдете и положение и опровержение его, и последний результат каждой статьи оказывается почти всегда равным нулю; а над всею вереницею ненужных слов парит торжествующее «Мы» потомка царя Давида, не могущего ни нарадоваться на себя, ни наговориться о себе досыта. Литературное хвастовство г-на Утина разве может быть сравнено только с его хвастовством житейским. Оно доходит до уморительного пафоса: «Когда **МЫ** сложим свои головы» (а головы всегда остаются пусты и целы). «**Мы докажем в будущем номере**» (а ведь никогда ничего не докажут); «**Мы напишем такую историю, какой еще никогда не было**... и т. д. Одним словом в этих статьях весь г-н Утин. Он не пожалел себя, не скупился собой, дал свое лучшее, и это лучшее оказалось ни к чему не пригодным.

А ведь нельзя сказать, чтоб г-н Утин не трудился серьезно, чтоб он легкомыслен-

*) Замечательно что в надгробной речи, произнесенной им в память Серно-Соловьевича, г-н Утин дерзнул назвать Серно-Соловьевича своим другом. Такова правдивость г-на Утина! Та же самая правдивость заставляет его теперь уверять родственников А. И. Герцена, что он всегда был его почитателем.

Примечание Бакунина.

но приступал к делу. Напротив, я мало встречал русских людей, трудящихся, как трудится он. Он мученик, он страдалец, он Тредьяковский в изучении вопросов политических и социальных. Вечно обложенный книгами, как старая дева пластырями и шпанскими мушками, он роется в них с утра до вечера, ищет в них фактов которые старается заучить наизусть. Но это множество самых разнородных фактов, которыми он старается наполнить свою бедную голову, не только не обогащают, напротив окончательно добивают ее. Он ода-рен замечательною неспособностью мыслить, понимать, схватывать сущность, настоящий характер предмета. Гогова его так устроена что каждый факт остается в ней разрозненным, бесплодным, сухим фактом, неспособным породить соответствующую ему мысль, и потому неспособным сгруппироваться с другими однородными фактами в стройную логическую систему. Факты связаны в его голове только памятью, и лишь только он хочет употребить их на дело, доказать ими что бы то ни было, они уничтожают друг друга. В этом состоит трогательная, трагическая сторона его истинно мученических умственных усилий — сторона объясняющая и извиняющая очень многое. Он бежит за мыслью, а мысль бежит от него и никогда ему не дается. Мудрено ли, что истомленный и доведенный до отчаяния вечною неудачею, пораженный глубоким равнодушием публики к самым усиленным произведениям его головы и пера, он бросил служение делу и стал искать значения, силы и славы в интриге?

Впрочем если никакой предмет ему не дается, то причины этому должно искать не в одной только умственной неспособности, но также и в существенном нравственном недостатке. Предмет дается только тому, кто сам отдается ему и умеет забыть себя в нем совершенно; кто, отказавшись от личных любимых фантазий и от личного произвола и отложив в сторону все собственные, частные интересы, материальные, честолюбивые и тщеславные, ищет в предмете только присущей ему логики, мысли. — Ну, к этому самозабвению в предмете, г-н Утин всего менее способен. Приступая к какому бы то ни было общему вопросу, он задается прежде всего следующим совершенно личным вопросом: «Какое место займу я в нем? Как должен я к нему относиться, в видах моего честолюбия и славолубия?»

Такое яростно-личное отношение ко всякому вопросу и делу, сопряженное с совершенною теоретическою несостоятель-

ностью, должно разумеется породить много нелепостей, а также и гадостей.

Со времени приезда г-на Утина в Vevey, я сделался ежедневным свидетелем горячих споров между ним и Н. И. Жуковским. Жуковский стоял за Народ и за жизнь. Г-н Утин отстаивал против него диктаторскую университетскую, более или менее доктринерно настроенной молодежи и верховное право отвлеченной, вненародной и к народному варварству и невежеству аристократически относящейся науки. Жуковский отнюдь не отвергал науки; напротив он был всегда убежден в необходимости ее для очеловечения человека. Он думал только, и по моему совершенно справедливо, что наука не последняя цель, а вместе с практическим делом, которое становится тем успешнее и тем шире, чем более оно руководится научным знанием, должна быть одним из главных средств для жизни; и что жизнь для человека, также как и для животного — для человека разумеется жизнь человеческая, т. е. обнимающая полноту развития и удовлетворения всех его способностей и потребностей, а следовательно также и потребность знания, науки — все таки составляет последнюю цель общества и всякого человека. Как последовательный материалист, реалист и социалист, он думал, вместе с Аристотелем и Прудоном*), что на первом чедереду стоит вопрос об удовлетворении материальных потребностей и вещественных условий человеческой жизни, и что удовлетворение потребностей идеальных должно быть плодом, результатом, а не основанием, и не причиною удовлетворения первых; что, одним словом, вопрос о хлебе насущном стоит теперь впереди, а что за ним следует вопрос о науке — и в этом я был с ним совершенно согласен. В этом ведь состоит вся суть нынешнего, практического, народного **Социализма**, в противоположность народо-эксплуатирующей политики.

Между тем, Жуковский знал очень хорошо что при нынешних условиях цивилизации насущный хлеб и материальное благосостояние народа обуславливается наукою, что прокормление и экономическое благоустройство миллионов невозможно без применения науки к жизни и к общественному делу. Но тут рождался вопрос: каким образом наука приступит к народу?

*) Donner le pain au peuple, l'idéal lui viendra de lui-même. Proudhon—Confessions d'un révolutionnaire. (Дайте народу хлеб, а идеал сам зародится у него).

ГОЛОС ТРУЖЕНИКА

Путем ли вольной пропаганды, лишенной всякого официального или государственного авторитета; посредством народных школ, основанных и содержимых самим же народом, освобожденным от всякой власти, от всякой верховной опеки? Или посредством государственной власти, перешедшей путем счастливой политической революции, из настоящих самодержавных рук, в чистые руки революционной, образованной молодежи? Жуковский стоял за первый путь, г-н Утин, разумеется, за второй.

Жуковский, также как и я, ненавидит всякую власть, и думает что самому лучшему человеку достаточно стать человеком властимеющим или политически-могущим, для того чтобы превратиться рано или поздно в каналью, в эксплуататора народного благоденствия, в утеснителя народной свободы.

В самом деле, власть, всякая власть равно как и всякая привилегия, всякое установившееся общественное преимущество заключает в себе начало злобное и столь могущественно развращающее, что никакая личность, как бы крепка она ни была в умственном и нравственном отношении, не в силах устоять долгое время против вытекающей из него порчи, — начало **постоянного общественного поощрения личного эгоизму**, превозвышению, тщеславию, самоволью, деспотизму, честолюбию и корыстолюбию, одним словом всем мерзким страстям, которыми человеческая природа так богата, и которые, помимо личного произвола, личных добродетелей или личных пороков людей, облеченных привилегиями или властью, становятся **непременными результатами того исключительного положения** в которое эти люди поставлены.

Таков общий Закон, закон не допускающий ни малейшего исключения. Возьмите самых самоотверженных и чистых людей известных в Истории или воображаемых ею, возьмите например Христа и Сократа, и представьте себе что они были бы королями, министрами, воеводами, чиновниками или говоря вообще, какими бы то ни было **начальниками**. Я говорю не обинуясь, что они, в таком случае сделались бы непременно более или менее скотами: притеснителями, эксплуататорами, душегубами. Ведь они стали, один Христом, а другой Сократом, только потому что они были не начальниками, а жертвами начальства. Этот вопрос так важен, что я прошу

позволения забыть г-на Утина на короткое время, для того чтобы выяснить его лучше — его, т. е. вопрос, а вместе с вопросом, пожалуй, и г-на Утина. На разре-

шении этого вопроса зиждется вся анархическая теория безвластия.

М. БАКУНИН.

(Окончание следует).

Женщины в индустрии

ДЕНЬГИ И МОРАЛЬ. По наблюдениям газеты «Сакраменто Стар» мораль и деньги идут рука об руку. Следующее является выдержкой из статьи, в которой излагается положение девушки-работницы в сравнении с девицей из класса буржуазии. Эти молодые женщины из колледжа направились с деньгами в карманах изучать условия жизни, изложенные ниже. Но могут ли в действительности эти отпрыски высшего общества знать и понять лишения женщин, которые вынуждены снискивать себе пропитание тяжелым трудом за ничтожное вознаграждение? Когда человек голоден, холоден, не имеет одежды и жилища, только тогда он вполне понимает, что значит быть наемным эксплуатируемым рабом в условиях существующего общества. А избавиться от этого вопиющего зла можно лишь посредством единения, организации в индустриальные союзы, как фактора освобождения.

* * *

Больше денег — больше морали.

Ведь девица с пустым конвертом во время полочки падает первой жертвой.

Она тоже хочет наслаждаться благами жизни, но сама не может их себе предоставить.

А поэтому в девяти случаях из десяти, она становится легкой добычей незнакомца-юноши, который готов платить за нее.

Обольщение поездками на автомобилях, хорошими обедами, красивыми платьями, драгоценными подарками, попойками в кафешантанах, очень сильно и только немногие могут ему противостоят.

Таково по крайней мере заключение этих 25 девиц, которые с целью расследования нанялись на работу в фабриках и мастерских прошлым летом с тем, чтобы узнать, как живут бедные девушки. Молодые курсистки были набраны из колледжей различных штатов. Они направились в места производства под руководством общества «Студент в Индустрии», движения, которое зародилось в Национальном Комитете Христианской Ассоциации Молодых Девиц, 3 года тому назад.

Графиня Элса Бернадотт, из Стокгольма, поступила на работу на кожевенный завод в Чикаго. 16 других девиц нашли

себе работу тоже в Чикаго. 8 — направились в Филадельфию.

Все они заявляют, что все их симпатии на стороне девиц-работниц. «Это не-возможно», заявляют они в один голос. «Никто не может жить здоровой и моральной жизнью на те заработки и при тех условиях, в которых мы работали прошлым летом».

Работница на обыкновенной типичной фабрике не обеспечена на будущее.

Счета докторов, одежда, членские взносы, страховка и другие неотложные расходы не могут быть покрыты на сбережения равные \$2.88 в неделю, которые мы откладывали регулярно в результате самой строгой экономии и отказа себе во многом самом необходимом. Не имея обеспечений на всякий случай, фабричная работница вынуждена этой самой необеспеченностью, работать за нищенское вознаграждение, что она часто делает за счет своего здоровья. Мораль девиц, с которыми они работали, заявляют эти девицы из колледжей, колеблется между высшей и низшей, и в большинстве случаев зависела от денежного вопроса. Курсистки полагают, что, если бы заработки были выше, мораль их была бы тоже выше.

* * *

ИММИГРАЦИЯ. «Знаете ли вы, где бы я могла получить работу и иметь при себе моего ребенка?» Так говорила мне молодая шотландка и продолжала: «Я была уже всюду, но никто не хочет иметь работницу с ребенком, а он тем временем худеет и нервничает, хотя раньше и был вполне здоровым». Обливаясь слезами женщина продолжала: «Лучше бы было, если бы я совсем не иммигрировала сюда. Ох, эти вруны, эти вруны!»

— Что же тебя заставило приехать в Канаду? — спросил я ее, когда женщина немного успокоилась, и она рассказала мне печальную историю о муже, который умер, когда ребенку было только несколько месяцев и о других вещах. «И вот я думала, — заявила девица (она была еще только девицей по возрасту) я решила поехать в Канаду, постараться забыть обо всем и начать жизнь вновь. Теперь же я расстратила всю свою энергию и только

потому, что никто не хочет меня с ребенком".

— Но, дорогая моя, возразил я ей, что же тебя заставило думать, что ты сможешь найти работу здесь?

— Иммиграционный чиновник уверил меня, что в Канаде я смогу легко найти работу, что в этой стране нет социальных предрассудков и что ко мне не будут относиться как к служанке и смотреть на меня сверху вниз, что неизбежно в Англии. Я была рада этому и с великими надеждами направилась в путь». Она прижала ребенка к себе еще плотнее и про-

Жертва рабской системы.

ГОЛОС ТРУЖЕНИКА

говорила: «Прекрасный ребенок, не правда-ли?»

— Да, сказал я мягко, думая, как глупо она ошибалась. Когда я следил за уходящей от меня по улице женщиной, мне вспомнилось собрание в отеле Форт-Гэрри, имевшее место несколько дней тому назад (о, ирония ироний!) На этом собрании мы пытались указать министру труда в рабочем правительстве на преступное поведение и пренебрежение всякой моралью, когда чиновники убеждают людей продавать все свои пожитки и вкладывать вырученные деньги в покупку па-роходных билетов, а потом перевозить их сюда, где и без того тысячи людей вынуждены голодать и терпеть крайние лишения.

Бесполезно, однако, негодовать против людей, занимающих высокие посты. Гораздо лучше, если мы будем уделять больше внимания своим собственным проблемам.

Становится более очевидным с каждым днем, что в обществе имеется только два класса людей с возможными подклассами, но для всех практических целей существует только два класса, а поэтому нет никакой возможности сглаживать дорогу капитализму и в тоже время стремиться к уничтожению наемного рабства.

Все рабочие должны будут занять определенную позицию. Такая позиция уже занята обладателями земли, которые, между прочим, и не принадлежат к числу покорных, хотя библия и побуждает их к этому, так как никогда еще в истории между классом богатых не наблюдалось такого тесного сотрудничества и такой твердой решимости к уничтожению всех родов организаций рабочего класса.

Вследствие этого, пусть же класс ничего не имущих людей займет определенную позицию и прежде всего поймет, что он — рабочий класс.

Мужчины и женщины! Желая чтобы вы поняли этот простой факт, мы не хотим, чтобы вы отбросили в сторону все свои идеалы, любовь, друзей и красоты души и тела, а наоборот, побуждаем вас, чтобы вы пользовались всеми этими качествами в меру их обладания и в интересах своего класса, с целью достижения дружеского взаимоотношения среди людей и свободной жизни.

— Р.

Манифест палачей и их прислужников

Буржуазная юстиция имела некогда обы-
чай при выполнении смертной казни над
«преступниками» заставлять солдат бить
в барабан, что б заглушить последние
слова и стоны казнимых. Большевистское
правительство, одной рукой кроваво по-
давляя трудящихся советской федерации
и держа десятки тысяч граждан заклю-
ченными в своих тюрьмах, ссылках и кон-
центрационных лагерях, — в то же время
через свою наемную прессу во всех стра-
нах, начинает бесстыдную кампанию кле-
веты и издевательства против своих жертв,
лишенных возможности отвечать. Под
давлением протестов мирового рабочего
класса кремлевское правительство еще
два месяца тому назад начало этот поход
клеветы на страницах французской «Ра-
бочей (?) Жизни» (Vie «Ouvriere») (?)
статьями ренегата от синдикализма Арлан-
даса. Вслед затем оно стало наводнять
свою заграничную прессу откровениями
некоего Магьяра, сопровождаемыми фото-
графическими снимками с Соловецкой и
Суздальской тюрем. Этот «литературный»
сотрудник чеки заявил, что «во всей со-
ветской федерации, которая составляет
одну шестую земного шара и охватывает
150 миллионов человек, имеется всего
пятьсот политических заключенных. В
это число входят меньшевики, с.-ры, анар-
хисты, монархисты и фашисты; в это чи-
сло входят и подсудимые и осужден-
ные и интернированные». В то же время
этот Магьяр изображал условия жизни в
Соловках и Суздали настолько идилли-
ческими, что — по его словам — сами за-
ключенные в восторге от этих условий.
Этого однако советскому правительству
оказалось мало: оно выпустило теперь на
сцену так называемое «Международное
Общество помощи революционерам». В
московской «Правде» от 21-го сентября
и на страницах разных «Правд» (немец-
ком «Ротэ Фанэ» от 26-го сентября) по-
явился огромный «манифест» этого об-
щества, в котором оно за обилием лице-
мерных фраз о репрессиях в буржуазных
странах пытается **скрасить, оправдать и
отвлечь внимание** от жестоких преследо-
ваний в России. Необходимо подчерк-
нуть, что в этом «манифесте», вышедшем
всего через десять дней после статьи Ма-
гьяра, число политических заключенных
определяется уже не в пятьсот, а в ты-
сячу пятьсот человек.

Комитет Защиты заключенных в Рос-
сии революционеров, убежденный в том,
что он выражает мнение бесчисленного
количества русских левых социалистов и
анархистов, заявляет перед лицом труда-
щихся всех стран следующее: «Между-
народное Общество помощи революцио-
нерам» точно также, как Коминтерн и
Профинтерн, создано, субсидируемо и це-
ликом руководимо ответственными дея-
телями Российской Коммунистической пар-
тии. Мы не отрицаем, что это общество в
некоторых странах Европы оказывает по-
мощь революционерам, заключенным в
тюрьмах буржуазии. Но вместе с тем мы
заявляем, что

недостойно и безнравственно для чест-
ных революционеров — членов этого
общества — брать деньги даже для
благородной цели у правительства, ко-
торое само является **тюремщиком и
палачом рабочих и крестьян** собствен-
ной страны;

что

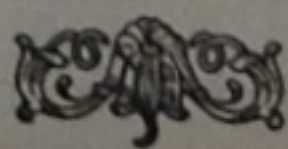
в высшей степени отвратительным яв-
ляется факт выступления общества,
якобы помогающего революционерам,
**в защиту мучительных преследований
и истязаний** (голодовки, самоубийства,
соловецкий расстрел, пытки), которым
непрерывно в течение шести лет под-
вергаются революционеры России;

что

этим своим «манифестом М. О. П. Р.
тем самым окончательно стало **испол-
нительным органом московского пра-
вительства и его чеки**.

Напрасно этот «манифест» пытается
особо воздействовать на французских
синдикалистов и анархистов, большой за-
слугой которых является энергичнейшая
защита русских революционеров в тече-
ние последних лет. Напрасно этот «мани-
фест» позволяет себе заявлять, что «гро-
мادное большинство русских анархистов
поддерживает советскую власть», ибо
всем известно, что громадное большин-
ство анархистов и синдикалистов в России
находятся в тюрьмах, ссылке или под-
полье, борясь за идеалы подлинной со-
циальной революции. Только тех весьма
и весьма немногих анархистов терпит на
свободе большевистское правительство,
которые так или иначе ему полезны.

**Объединенный Комитет Защиты за-
ключенных революционеров в России.**

Преследования членов организации И. Р. М.

Преследование И. Р. М. на юге. Мобил, штат Алабама. — Когда в конце октября прошлого года на помещение И. Р. М. в этом городе был произведен набег, начальник полиции заявил первым арестованным членам организации, что их дальнейшее пребывание в городе является нежелательным следующими словами: «Мы будем производить набеги на ваше помещение каждые 15 минут и арестовывать всех присутствующих пока вы не выберетесь».

Начальник полиции был очень дерзким в своих манерах и по всей вероятности думал провести свою угрозу в исполнение, так как в течение 5 дней на помещение было произведено 5 набегов, не считая небольших бесчисленных налетов, когда в помещении никого не было. Не довольствуясь набегам, полицейские выделяли из рядов арестованных наиболее активных членов и отдавали их под расследование и под свой надзор. Не было ничего удивительного в том, когда по следам каждого активного члена следовал сыщик.

Первой мерой предосторожности было перенесение документов в безопасное место, известное только членам организации. Были избраны также особые комитеты для пребывания в помещении, где они выжидали прибытия полицейских для производства арестов.

Первые 4 комитета находятся в тюрьме после того, как арестованные были приговорены к уплате штрафов в размере 100 долл. и заключению на 50 дней и к 30 дням дополнительного заключения в личный «подарок» судьи. Вынося свое решение судья заявил: «Уже одна принадлежность к организации Индустриальных Рабочих Мира является нарушением закона против анти-бойкота». Прежде чем объявить свой приговор судья спросил, не был ли кто из обвиняемых посторонним лицом, не состоявшим в организации, что в конечном счете было стремлением судьи заставить более слабых членов отречься от И. Р. М. Если бы некоторые на это пошли, приговоры по отношению к ним были бы менее суровыми и судья согласился бы предоставить больше свободы, которая, на основании конституции, дается всем хорошим слугам хозяйского класса. Нет необходимости говорить о том, что это предложение судьи было встречено презрением со стороны членов, хотя судья и ждал некоторое время, надеясь, что получит «удовлетворительный» ответ.

Сразу же по вынесении приговора было решено обжаловать его в высший суд, а

приговоренные были отведены в городскую тюрьму в ожидании решения присяжных. Арестованные до сих пор еще томятся за решетками.

В течение последних двух недель помещение, однако, не подвергалось ужасным «унизительным» набегам, которые не унижают никого, кроме полицейских производящих их. Разумеется, имеется еще достаточно времени, чтобы полиция еще раз могла произвести попытку к нашему выселению, но до сих пор из помещения никто не выселился, а происходило нечто обратное: новые члены прибывали в помещение сразу же после того, как полиция арестовывала присутствовавших. Все заинтересованные в преследовании по всей вероятности уверены в том, что И. Р. М. будут выгнаны из города. Кроме 13 членов уже отданных под суд и приговоренных, имеется 2 члена, которые ждут решения суда присяжных. По их делу, нам кажется, обвинительного приговора вынесено не будет.

И. Р. М. выходят из этой борьбы более опытными и лучше организованными для будущих столкновений. Мы очень быстро укрепляем организацию, которая будет одним из орудий освобождения нашего класса из уз рабства. Эта стычка была эпизодом только местной борьбы в великой классовой борьбе — в борьбе между классом, который владеет и всем контролирует и классом, который работает и страдает. Не будучи в состоянии сломить отвагу людей прибывших сюда вполне ясно сознавая, что их ждет тюрьма, преследование возбудило в них решимость борьбы до конца, а пламя недовольства раздувается проявленной жестокостью капиталистов. Имеются такие, которые говорят, что лозунг: «Вред для одного — вред для всех» — пустая фраза, пущенная в ряды рабочих, чтобы вызывать их на действия, но участники здешней борьбы вполне продемонстрировали, что это — не пустая фраза, а действительный лозунг действий, проводимый в жизнь в борьбе против преследований.

«Все за одного и один за всех» проводимое в действие указывает на способности рабочего класса оберегать свои интересы. Историческая миссия рабочего класса не может быть задержанной. Наша борьба будет победоносной, так как наше дело право. Тюрьмы и преследования только подливают масла в тлеющий огонь, который, в конце концов, должен вспыхнуть в пламя, означающее конец этой безумной системе неравенства.

Я Н В А Р Ь 1925 Г О Д А.

Следующие товарищи-рабочие до сих пор содержатся в тюрьме в ожидании судебного решения: Гэрри Рубенштейн, Эд. Пир, Эд. Товер, Чарльз Максвелл, С. Багствел, Джек Молендик, Чарльз Шульц, Д. Бэкер, Мартин Иогансен, С. Г. Руссо, Рэй Вилсон, Вильям Грин, и Д. Эриксон.

Комитет Защиты в городе Мобил.

Депортация забастовщиков.

В малом городке Конкрит, штат Вашингтон, где заняты на строительных работах около 700 человек в большинстве членов организации И. Р. М., произошла несколько недель тому назад забастовка. Причиной забастовки были неимоверно тяжелые и опасные условия труда, крайне несанитарные бараки, в которых помещались рабочие, скверная пища и низкая заработная плата. С целью улучшения своего положения рабочие созвали митинг, выработали ряд требований к хозяевам и избрали комиссию, которая представила эти требования по назначению. Главными из требований были: 1) освобождение пленников классовой борьбы, 2) бойкот калифорнийских продуктов, 3) увеличение заработной платы, 4) улучшение санитарных условий и пищи, 5) уничтожение сверхурочных работ и т. д.

После того как хозяева, главная контора которых находится на Волл стрит в Нью-Йорке, отказались удовлетворить эти вполне справедливые требования, рабочие вышли на забастовку и проявили удивитель-

ную солидарность. Штрейкбрехеров почти не было, все работы приостановились и компания несла громадные убытки.

Капиталисты потерпев поражение в ликвидации забастовки посредством штрейкбрехеров (скэбов), прибегли к помощи другого средства — услугам шерифа и его вооруженных бандитов и начали арестовывать и терроризовать мирных пикетчиков. Впоследствии дело дошло до того, что всех пикетчиков арестовали и выслали за пределы уезда, в котором происходила забастовка. Эта высылка сопровождалась насилием и побоями. Семейным не позволили даже уведомить об этом своих жен и детей и не дали взять никаких вещей с собой, а те, которые этого требовали, были избиты до потери сознания и брошены в тюрьму.

Так свершилось еще одно «правосудие» господствующего класса, которое является повторением такого же обращения с забастовавшими шахтерами в 1917 году в Тулсе, Оклахома, и за которое, рано или поздно, придется этим насильникам дать ответ перед судом восставшего пролетариата.

* * *

В штате Калифорния, в этом царстве пресловутого закона о «криминальном синдикализме» и запрещения судьи Бюзика, происходят аресты членов И. Р. М. под различными предлогами и без таковых. Недавно в Сан Пидро было арестовано три товарища и один из них, чилиец, задержан для депортации.

Р—й.

Письмо в редакцию

Уважаемые товарищи!

Прилагая при сем «Письмо в редакцию», которое прошу вас поместить в вашем органе, я очень извиняюсь вместе с тем, что занимаю столбцы революционной печати ненужной, на первый взгляд, дискуссией.

Дело — вкратце — вот в чем: в № 140 «Ам. Известий» появилось письмо А. Солонович о «помощи политическим», в котором имеется целый ряд недобросовестных обвинений против «Объединенного комитета защиты заключенных революционеров» и, главным образом, против анархистов, членов этого комитета. Считая, что такого рода письма могут сослужить на руку только врагам рабочих и крестьян России, нынешним диктаторам ее — Р.К.П., я обратился с прилагаемым при сем письмом в ред. «Ам. Изв.» с просьбой его поместить. К сожалению товарищи из «Америк. Известий» рассудили иначе.

Они сочли возможным дать место А. Солонович, обрушившейся на нас целым рядом недопустимых в товарищеской среде обвинений, клевет и «намеков»; мой же резкий, но вполне заслуженный ответ, они сочли за благо мне вернуть ненапечатанным. Такие приемы считаю достойными осуждения с точки зрения, не то что революционной, а даже самой обычной, общественной морали.

Надеясь на вашу беспристрастность, прошу вас поместить мое письмо адресованное «Амер. Изв.»

С товарищеским приветом
М. Мрачный.

* * *

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ «АМЕР. ИЗВ.» (Свободная трибуна.)

Уважаемые товарищи!

Меня лично ничуть не поражает то, что «анархисты его величества», ленинские славословы (Карелин, Солонович и иже

с ними) с затуманенными от слез (по поводу смерти «великого вождя») глазами решились выступить в печати с письмом, где ложь победоносно конкурирует с клеветой. Повторяю, меня это ничуть не удивляет: эта небольшая, но теплая компания продолжает свое «дело», пользуясь теми привилегиями, которые при каждом режиме диктатуры и террора выпадают на долю юрких и ловких приспособляющихся и прочих легальных оппозиционеров. Меня поражает, признать ли только то, как это вы, товарищи из ред. коллегии «Амер. Известий», решились дать место в своем органе, который является ведь органом «российских рабочих организаций Соед. Штатов и Канады» письму, представляющему совсем не благоухающий букет клеветы, инсинуаций, злобы и лжи?

Если вы хоть немного следите за заграничной революционной печатью, вы могли бы быть в курсе той большой работы, которая проделана берлинским «Объедин. Комитетом защиты революционеров России», к которому поступают постоянные сведения о положении товарищей заключенных в Соловках, Бутырке, в Харькове, Челябинске и других тюрьмах. Вот уже больше года, как берлинский «Комитет Защиты» существует и за этот срок им проделана большая работа **пропаганды, информации, защиты и помощи** заключенным в России. Вы ведь это знаете, в вашем органе печатались регулярно бюллетени берлинского комитета! Как же вы могли дать на страницах вашего органа место письму госпожи Солонович? Неужели вам не было ясно, что такого рода «литература» больше всего может компрометировать рабочий орган и, что менее важно, может нанести непоправимый ущерб делу помощи заключенных и сосланных наших товарищей?

Агния Солонович поветствует:

«Также наличие плохой связи с Россией, полная от нее оторванность чувствуется и в тех незначительных сообщениях, которые приводятся Берлинским представительством касательно анархистов (привожу полностью все, что известно Берлинскому Комитету Помощи об анархистах: «Высылается на три года на севере ан.-синдикалист Е. Рубинчик. На три года сосланы в Соловецкий лагерь Т. Полюзов и Т. Вегер. С ними находятся трое детей. Арестован анархист Алексей Олодский. За последние три года он беспрерывно проводит в тюрьмах коммунистической России». (201 № «Голос Труда» Аргентина).

Мало, неполно и устарело». (Американ. Изв. № 140»).

Неужели глубокая печаль после смерти Ленина лишила почтенной А. Солонович даже той доли здравого рассудка, которую, и при большевистской диктатуре, не воспрещено иметь даже лояльным анархистам типа Солонович, Карелин и Ко.? Ведь и ребенку и то может быть понятно, что, если из России получаются в Берлине сведения об арестованных товарищах, скажем, в январе и эти сведения печатаются на машинке в виде бюллетеня и отправляются в Аргентину в ред. «Голос Труда», куда они попадают уж к концу февраля и если этот номер «Голос Труда» получается в Москве в начале, скажем, апреля месяца, тогда, конечно, сведения о России (для москвичей) получаются устарелые. Этот довод А. Солоновича — плод чистейшей демагогии и беззастенчивого отношения к фактам.

Вместо того, чтобы всяческими недомолвками, иносказаниями и «тонкими» намеками вести борьбу с берлинскими товарищами, словоохотливая госпожа Солонович могла бы лучше посвятить свой досуг информации (**полной и своевременной**) о положении заключенных и сосланных хотя-бы исключительно анархистов. Между тем, такой **регулярной и полной** информации до сих пор заграничная наша печать не получала от Карелина, Солоновича и прочих...

«...Всероссийский Черный Крест существует исключительно явочным порядком и определенной квартиры не имеет». — Так горделиво заявляет А. Солонович. Видно, небольшая группа москвичей, дающих в том же письме два **легальных** адреса: 1) Москва 1-й Дом Советов, ком. 219 А. Карелину. Или: Москва, Остоженка, Полуэктов пер. д. 3 кв. 4 Агнии Солонович — считают зарубежных рабочих за неисправимых дурачков, которые всякой **чуши** поверят: в стране, где даже за мысль преследуют, живут себе преспокойно — «явочным порядком» — анархисты и, как полагается, «подрывают основы!» Вот уже, подлинно, необходима лошадиная доза хлестаковской развязности, чтоб, не краснея, писать такие «наивности», которые нам так щедро опускает московская группа. Ведь это ни для кого не тайна, надеюсь: большевики **терпят сейчас** в России на **свободе** только тех политических деятелей, кто им **не вреден** или, вернее, **кто им полезен**. Пускай это запомнят американские товарищи. Тот же, кто словом или делом мешает большевикам (или даже может стать мешающей силой) с теми у большевиков разговор короткий: тому

Незабывайте пленников классовой борьбы

ГОЛОС ТРУЖЕНИКА

В тюрьмах Америки, главным образом в штате Калифорния, находятся больше ста членов организации Индустриальных Рабочих Мира.

Они были брошены туда по воле и распоряжению сильных мира сего — капиталистов и их наймитов — интесам которых было выгодно избавиться от смелых пропагандистов и неутомимых борцов за лучшую жизнь для рабочих.

Пусть же лозунг — страдание одного — страдание всех — которому они следовали находясь на воле, будет применен нами в самом широком смысле и по отношению к ним, когда они очутились в тюрьме.

Делайте все возможное для того, чтобы широко распространять правду о преследованиях и заключении в тюрьмы борцов за свободу. Это поможет их скорее к освобождению. Также собирайте денежные средства для оказания материальной помощи им и их семьям. Все суммы для этой цели направляйте по адресу:

CALIFORNIA DEFENCE COMMITTEE,
226 Russ Bldg., San Francisco, Cal.

Remember!

К ЧИТАТЕЛЯМ «ГОЛОСА ТРУЖЕНИКА».

Товарищи рабочие!

«Голос Труженика», как печатный орган, существует для того, чтобы отражать жизнь и настроения, а также и взгляды на социальное и экономическое положение широкой рабочей массы.

Это возможно только при наличии вашего активного участия в нем.

Пишите в «Голос Труженика» письма и корреспонденции о вашей жизни и работе на фабриках и заводах и в других местах вашей работы, которые всегда будут помещаться на страницах «Голоса Труженика».

ОТЧЕТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ «ГОЛОСА ТРУЖЕНИКА» ЗА НОЯБРЬ И ДЕКАБРЬ 1924 ГОДА.

Приход:

Остаток на 1-ое ноября	92.88
Подписка	18.00
Оптовая продажа	38.20
Добровольные пожертвования	107.15
Литература	14.65
Возвращено взаимобразных	15.00
Итого	285.88

Расход:

За печатание номеров 1-го и 2-го «Голоса Труженика»	112.65
Почтовые расходы	32.00
Рабочим за два номера	41.00
Итого	185.65
Остаток на 1 января 1925 года	100.23

Ревизионная Комиссия.

ДОБРОВОЛЬНЫЕ ПОЖЕРТВОВАНИЯ В ФОНД «ГОЛОСА ТРУЖЕНИКА»

От тов. Г. Рудака, Вэйн, Алберта, Канада, по подписному листу на «Голос Труженика»	17.50
На помощь бастующим	17.50
П. Солован	2.00
Г. Гришкевич, из Канады	.25
К. Троянов, Маундзвиль, В. В.	2.00
От русских шахтеров гор. Маундзвиль, В. В., через К. Троянова	12.65
И. Трач	5.00
С. Бейлин	3.00
В. Матьков	5.00

«РАССВЕТ»

Ежедневная газета российских рабочих организаций Соед. Штатов и Канады
274 E. 10th St., New York, N. Y.

Подписная плата:

На год	6.50
На 6 месяцев	3.25
На 3 месяца	2.00

Печатные органы организации И. Р. М.

158 Carroll St., Brooklyn, N. Y.
На год 2.00
На 6 месяцев 1.00

На английском языке
INDUSTRIAL PIONEER
(Ежемесячный журнал)
1001 West Madison st., Chicago, Ill.
На год 2.00
На 6 месяцев 1.00

INDUSTRIAL SOLIDARITY
(Еженедельная газета)
1001 West Madison St., Chicago, Ill.
На год 2.00
На 6 месяцев 1.00

THE INDUSTRIAL WORKER
(Выходит два раза в неделю)
P. O. Box 1857, Seattle, Wash.
На год 4.00
На 6 месяцев 2.00

На венгерском языке:
BERMUNKAS
(Еженедельная газета)
1001 West Madison St., Chicago, Ill.
На год 2.00
На 6 месяцев 1.00

На итальянском языке:
IL PROLETARIO
(Еженедельная газета)

На финском языке:
TIE VARAUTEEN
(Ежемесячный журнал)
1001 West Madison St., Chicago, Ill.
На год 2.00

На чехо-словацком языке:
JEDNA VELKA UNIE
(Ежемесячный журнал)
1001 West Madison St., Chicago, Ill.
На год 2.00
На 6 месяцев 1.00

На испанском языке:
SOLIDARIDAD
(Выходит раз в две недели)
1001 West Madison St., Chicago, Ill.
На год 1.00

На русском языке
ГОЛОС ТРУЖЕНИКА
(Ежемесячный журнал)
1001 West Madison St., Chicago, Ill.
На год 1.50
На 6 месяцев 80

Книжный склад Голоса Труженика

История Индустриальных Рабочих Мира, Я. Старик 25 с.
В переплете 50 "
Эволюция Индустриальной Демократии, А. Вуд-рофф 15 "
Интернациональный сборник революционных песен и стихотворений 25 "
Песни труда 15 "
Один Большой Союз — величайшая вошь на земном шаре 15 "
Всеобщая забастовка и социальная революция, А. Ромер 10 "
Один Большой Союз И. Р. М. 10 "
Революционный Индустриализм, Г. Перри 10 "
Женщина и Синдикализм, Милли В. Рокер 5 "
Вместо программы (Издание Заграничного Бюро Р. К. А.-С.) 25 "
Кронштадт в русской революции, Е. Ярчук 25 "
Смертная казнь, А. Карелин 15 "
За что и как большевики изгнали анархистов из России, Г. П. Максимов 10 "
Ассоциационный анархизм, Лев Черный \$1.25 "

М. Бакунин: Избранные сочинения том III. —
Федерализм, социализм и анти-теологизм 75 "
Избранные сочинения том IV. — Политика Интернационала. Письма к французам. Парижская Коммуна. 75 "
Избранные сочинения том V. — „Альянс“ и Интернационал. Интернационал и Мадзини. .. 50 "
П. Кропоткин: Хлеб и Воля 75 "
Этика. Том I. — Происхождение и развитие нравственности 75 "
В. Траутман: Производственный синдикализм (индустриализм) 20 "
Джеймс Гильом: Карл Маркс и Интернационал .. 25 "
Интернационал (воспоминания и материалы 1874-1878 гг.) 75 "
В. Дав и Ж. Ивто: Целлутье и революционный синдикализм во Франции 20 "
Н. А. Рубакин: Письма к читателям о самообразовании \$1.00 "
В. Черкезов: Предтечи Интернационала. Доктрины Марксизма 50 "

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯЙТЕ ПО АДРЕСУ:

GOLOS TRUZENIKA,
1001 W. Madison St., Chicago, Ill.